

ОЛЕГ ДИВОВ

СИМБИОНТЫ
РОМАН

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ
Симбионты

«ЭКСМО»

2010

Дивов О. И.

Симбионты / О. И. Дивов — «Эксмо», 2010 — (Новый Дивов)

ISBN 978-5-699-45001-5

Один хочет быть Президентом. Другой хочет, чтобы его оставили в покое. Одному за пятьдесят. Другому чуть больше пятнадцати. Один шел к своей цели всю жизнь. Другой чудом выжил. Что между ними общего? Нанороботы, которых не существует. Что у них разного? Один – раб своих капризов. Другой – готов умереть за свою свободу. Кто прав, решат вертолетики.

ISBN 978-5-699-45001-5

© Дивов О. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	45
Глава 11	50
Глава 12	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Олег Дивов

Симбионты

Пролог

Перекуси зубами кабель, оставь школу без интернета.

Посмотри на свою руку: она годится для чего-то большего.

Напиши во всю стену: «Свободу узникам эппла и майкрософта!» Когда придут дяди в строгих костюмах и начнут задавать вопросы, молчи и улыбайся.

И скажи наконец старшим, чтобы отстали. Все и сразу.

Завтра. Вот терпение лопнет, и ты скажешь. Завтра.

А сейчас представь, что в рюкзаке бомба – и вперед!

Пауэр трейсинг – спорт отщепенцев. Тех, кому все остальное недоступно. И тех, кто хочет вырваться. Из жалкого городишки, из цепких объятий семьи, из стальных тисков малолетства, из собственной шкуры – выскочить, выпрыгнуть, выбиться. Можешь не верить в это, не думать об этом, просто не замечать этого в себе, но когда мчишься по трассе, все становится ясно.

Кто убегает, тот проигрывает. Кто бежит, тот победит.

Город не спортивная площадка, он помеха на пути.

Не танцуй. Атакуй.

Не беги эффектно, беги эффективно. Найди оптимальный путь, в этом и есть красота. Экономь силы. Ты не пизон, скачущий перед девчонками, ты городской партизан. Неважно, через пять лет или десять, народы восстанут, и похожие на тебя парни будут мчаться сквозь горящие кварталы, облака слезоточивого газа и град резиновых пуль, рванутся к свободе. Кто знает, будешь ли ты с ними, но сейчас – да, сто раз да.

Пауэр трейсинг – спорт для злых, гонка на скорость, под секундомер. Акробатика тут нужна чтобы гасить инерцию и не падать носом. Вот и не выпендривайся попусту, выпендривайся по делу.

Некрасиво бегать по запаркованным машинам, красиво бегать по стене поверх них.

Тебе так надо вырваться отсюда, что ты ломаешь пространство и время. Прошибаешь город насквозь, выигрывая секунды и срезая метры. Здесь не твой мир, даже не среда обитания: нечего жалеть, атакуй жестоко. Твой мир внутри тебя. А снаружи одни стены, кругом глухие стены, и ты готов их пробивать хоть головой. Череп крепкий, на той неделе снес почтовый ящик. Облезлая синяя коробка едва держалась на одном шурупе. Всюду торчат пустые вещи, девальвированные в ноль: болтаются на кривом гвозде, соплей приклеены, висят на волоске.

Обломки прошлого, артефакты. Сноси их. Выноси.

Взорвать бы. «Весь мир в труху», как говорят старшие.

Дождешься от них. Только говорят. Они свое отбегали.

Их слопал и переварил государственно-монополистический капитализм. Они вступили в партию и зауважали правительство.

У них в руках была целая планета, они могли сделать жизнь на ней, как минимум, не скучной, но побоялись рискнуть, с перепугу запретили себе ВСЁ – а тебе запрещают все остальное. Страхи свои.

А раз ничего, кроме страхов взрослых, на свете не осталось, тебе и бояться нечего. Атакуй!

Давай, убеди себя, что в рюкзаке бомба. Взорвать партию и правительство. Или хотя бы местный телецентр. И беги.

Сильный, ловкий, зоркий. Лучший. Ты умеешь висеть на одной руке пока не уснешь от скуки. Шутки ради слопаешь гамбургер, большую картошку и яблочный пай, стоя на голове. Преодолеl боязнъ высоты, темноты и гопоты. Тебя можно уронить с моста, не думая о последствиях. Ты пауэр трейсер, городской камикадзе без страха и упрека. Говоря по совести, вряд ли это пригодится в жизни, зато ты такой отчаянный сам себе согласишься.

– Хоп! – крикнул Леха, взлетая на забор.

Глава 1

– Хоп!

Принц нырнул сквозь детскую площадку, и напрасно. Пришлось упасть на руки и сделать перекат. Естественно, он потерял темп.

Леха взял правее и обставил Принца, пробежав по бетонному забору. Никто в школе так не умел бегать по стенам. Впереди забор упирался в гаражи – и тут Леха выдал нечто.

– Ф-фак! – выдохнул Принц.

Леха уже терял инерцию, он ведь сделал по забору верных пять шагов. Еще один, ну два, и он сорвется. Да и пора спрыгивать – детская площадка, которую парень обогнул по стене, осталась позади. Но маневр, как оказалось, был рассчитан на другое. Несясь по забору параллельно земле, Леха в последний раз оттолкнулся – и влип в стену гаража, закинув на крышу руку и ногу. Мгновенно закатился наверх, вскочил, и помчался дальше по гаражным крышам.

Прыжок, вис, перекат – слились в одно движение. Вышло очень красиво, и Принц порадовался, что смотрел на Леху в этот момент. Камера все пишет.

Он уже явно проиграл, этот хитрец уделал его, оставалось радоваться за друга. Зачем еще нужны друзья, подумал Принц, огляывая гаражи. Впереди бабахнуло: Леха приземлился на крышку мусорного бака. Удобная штука мусорный бак, когда закрытая, громкая только.

Они миновали жилую зону, вломились в густой кустарник, по едва заметным тропкам проскочили его, вылетели на газон, и тут Принц, задыхаясь, крикнул: «Стоп!»

Одинаковым движением оба хлопнули себя по левой кисти, выключая секундомеры, и так же одинаково согнулись пополам, упершись руками в колени.

Кончилась трасса. Впереди была автомобильная дорога, сразу за ней высокий решетчатый забор, будка контрольно-пропускного пункта, ворота. За забором вдалеке сверкало офисное здание, пускало зайчики стеклянной стеной. Человек постарше угадал бы: типичный советский институт после дорогого косметического ремонта. Ребята это просто знали. Советский институт как есть, и позади модной стекляшки виднеется корпус опытных цехов. Там работяги в белых халатах, одно слово что «слесаря», на самом деле редкие спецы, клепают уникальную технику для производства. А само производство, оно прямо в институте, в цоколе. Всегда так было, еще когда на воротах красовалась вывеска «НИИ микромашиностроения».

Сменили вывеску только чтобы дурить партию и правительство, это весь город в курсе. Партия и правительство, не будь дураки, охотно приняли игру и, в свою очередь, целую страну одурачили. Народ, втыкая в зомбоящики, радостно аплодировал, делая вид, будто хоть что-то понял. Так и живем. И никому не стыдно. Ни-ко-му.

Уффф... Вдох-выдох.

Леха распрямился и принялся ходить туда-сюда по газону, делая мерные взмахи руками, глубоко дыша. Принц без церемоний упал на траву. Стянул с головы матерчатый налобник, державший на виске камеру, и вытер им лоб.

– Ну... Как... Тебе... Трасса?... – пропыхтел он.

Леха будто не расслышал. Он поразительно быстро восстановил дыхание и теперь стоял, уперев руки в бока, вполоборота к институту, как-то недобро глядя в сторону блестящего здания.

– Ты... Чего? – насторожился Принц.

– Что-то там шевелится, – хмуро сообщил Леха.

– Тьфу на тебя, – сказал Принц, снова роняя голову на траву. – Юморист-затейник... Я прямо испугался... Уфф... Конечно шевелится! Полгода осталось до вакцинации. Они там щас

варят микробов на всю Россию-матушку... По три кубика на физическое лицо... Ты скажи, как трасса!

Леха глядел на здание, не отрываясь. Оно словно притягивало его.

– Трасса годная, – сказал он наконец.

Он медленно поднял руку, снял налобник с камерой, небрежно скомкал его в кулаке. Всемирно известное «НПО Нанотех» вроде бы не секретный объект, только незачем тут светить видеоаппаратуру. Заметит служба безопасности, и давай за тобой по кустам гоняться чисто со скуки да из вредности, еще и в ментовку настучит. «Ну извини, а мы подумали, ты промышленный шпион». Допустим, Лехи это не касается, его физиономия наверняка есть в базе данных охраны. Но сам по себе городской этикет не рекомендует шляться возле института с камерой – лишнее это. Свой институт, не чужой ведь.

Слово-то какое звучное: Нанотех. А ведь сплошное надувательство, реклама и пиар. Институт сменил название, когда его директор, легендарный Дед, ввязался в «гонку за нанотехнологиями»: под это давали много денег. Вон даже Принц знает, что институт делает «микробов». Микроуровень, а вовсе не нано. Правда, ничего больше Принц не знает, да и не особо хочет. Просто местная специфика: жаргонное словечко «микроб» расползлось по городу, и кто поумнее, тот сообразил, о чем речь.

А остальной стране вообще плевать. Журналисты талдычат о «нанороботах», все довольны, все хорошо. Может, так и надо? Партия и правительство захотели нанотехнологий, так милости просим, вот вам русские наноботы, самые большие в мире. Институт должен жить, а значит, у нас не будет ни стыда, ни совести: лет десять назад мы ради рекламы блоху подковали, такой вот безумный наноуровень, зато шуму на всю Россию. Говорят, это тоже Дед придумал.

Не сводя глаз со здания, Леха выключил запись и убрал камеру в рюкзак.

Когда институт только поднимался, с ним была связана каждая третья семья в городе – кто его строил, кто там работал, кто обеспечивал снабжение... Память добрая осталась. Еще вопрос, как бы город выжил, не найдись здесь мощной полугосударственной фирмы, способной «доить» федеральный бюджет и выбивать для себя нацпроекты... Пара-тройка заводиков да скважина с целебной минералкой – слишком жидко для населенного пункта, в который упирается железная дорога. У нас тупик. Край земли. Старшие так гордятся этим, аж тошнит. Словно есть особая доблесть в том, что за триста километров от Москвы – твой персональный конец света, и ты сидишь на самом краешке ойкумены, болтая ногами и лузгая семечки. По левую руку поля бескрайние, по правую леса дремучие... А ведь не родился тут Дед, не появился здесь институт, и настала бы вам реальная *ультима туле* прямо в сердце Родины. Мало их, что ли, таких городов-тупиков.

С другой стороны, подняли ведь сельское хозяйство. Уникальные медицинские микроботы на подходе только, а лучшее в мире льняное масло давно наше. А там и минералка в дело пошла, и фабрики запыхтели... Правда, к этому времени полгорода разбежалось неведомо куда. И если бы не Нанотех, тут бы просто все рухнуло. Тут и сейчас многое на соплях, как тот почтовый ящик, об который давеча шишку набил.

Все-таки что-то там, в Нанотехе, шевелится...

Леха чувствовал это буквально каждой своей клеточкой. Словно «поле подпитки», которым накрыт цокольный этаж Нанотеха, вошло с его телом в резонанс. Ну естественно. Наверное так и есть. Леха дружит с электричеством, это вся школа знает. Леха его чувствует нюхом. Двести двадцать вольт он и не заметит, а вот если слабые токи – тут он прямо экстрасенс.

Разумеется, это зудит и вибрирует поле, от которого сейчас запитываются эталонные микроботы, чтобы попусту не расходовать свой запас жизни. Может, и лучшие в мире, а дохленькие они у нас. Умей микробы воспроизводиться, их долговечность не имела бы значения: пока один загнется, его приятели десять новых соберут. Но микробы так не умеют, точнее, могли

бы уметь, только пока с этой технологией копались, возникла конвенция против репликаторов – любых устройств, способных без участия человека создавать свои точные копии. И микробы под конвенцию тоже угодили...

Ну конечно, это поле, больше там шевелиться просто нечему – и чего я нервничаю?..

Принц наконец отдышался и встал рядом. Теперь стало видно, насколько он выше и массивнее своего одноклассника, да и в целом кажется взрослее. Он наверное мог бы пробежать по тому забору, но запрыгнуть на гараж – увы, тяжело. Принц отлично понимал, что когда Леха заматерееет, тому станет трудней бегать по стенам, и извечный друг-соперник потеряет фору на трассе, но это не утешало, скорее наоборот расстраивало. Принц и так слишком много всего умел, гораздо больше, чем хотел. И ему для противовеса нужен был рядом талантливый приятель. Белый.

Принц-то был черный. Вернее, очень темный мулат. Его так и хотели назвать – Принц, – отец настаивал, но мама решила, что это для России чересчур. Физиономия у Принца аристократическая, с тонким изящным носом, большими глазами, чувственным и немного брезгливым рисунком губ – красавец, если вас не смущает цвет кожи. В младших классах учителя еще пытались звать его Ваней, но потом заметили, что они во всем городе одни такие – и туда же: к доске, Принц! Ведь действительно по крови принц.

Леха, строго говоря, тоже был выходцем из местной аристократии – научной. Это ведь его дедушка по матери, член-корреспондент Академии Наук, вся грудь в орденах, фактически построил НИИ микромашиностроения. Даже при советской власти именно Деда – с большой буквы, прозвище такое, – народ считал за главного в городе, выше секретаря горкома и председателя горисполкома. Со всеми проблемами к нему бежали в первую голову. Говорят, очень помогал. Еще говорят, Леха пошел в него лицом. Оно сейчас мягкое, немного детское, но вот эта ехидная искра в глазах, и эта собранность, внутренняя готовность к рывку, что во всех чертах проступает – вылитый Дед. Волевая натура и мятущаяся душа, взрывная смесь. С виду милый, тактичный, добрый очень, а поди его прижми, дохлый номер. Ничего удивительного, Леха парень с историей, куда там Принцу – подумаешь, русский негр, все равно не Пушкин. А Леха, грубо говоря, с того света вернулся. Он когда по стенам бегает, только одного боится: мама узнает – ноги вырвет.

Потому что Леха инвалид с пожизненным освобождением от физкультуры.

А вот бегает.

– Трасса что надо, – сказал Леха. – С гаражами ты удачно придумал. И финиш красивый. Он слегка мотнул головой в сторону Нанотеха.

Принц глянул на блестящее здание, пожал плечами. Финиш как финиш. Местные зрители не оценят красоты выхода из кустов к Нанотеху, им эта стекляшка глаза намозолила. А неместные... Пауэр-трейсеры из Парижа зависнут на трюке с гаражами, вот где есть, от чего обалдеть. Надо только правильно смонтировать запись, может, прямо с этого момента начать, дать его анонсом. Иначе дальше России ролик не уйдет. Некоторые, конечно, скажут, лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме. Но мы с такими выкрутасами и в Риме будем не последние. А кто считает, что надо быть скромнее... Тот приходит в хвосте.

Только лузер мечтает стать звездой тактического ТВ.

– Не я, а ты придумал с гаражами, – поправил Принц. – Я как увидел, только одно слово и сказал: фак!

– А зачем тогда ты меня к забору отжал?

– Вообще-то, если кто забыл, я шел первым... Лех, перестань гипнотизировать институт. Кончится тем, что прибежит охрана.

А Леха не мог оторвать взгляда от здания. Все-таки что-то странное творилось в глубине Нанотеха, именно там, где «варят микробов на всю Россию-матушку», готовясь к национальной вакцинации. Мониторинг здоровья каждому, никто не уйдет обиженным. Только Принц

ошибается: ни сейчас, ни через полгода здесь не будет много ботов. Задача Нанотеха – сделать, оттестировать и размножить эталонные образцы. Создать стабильный рой микробов, который удержит в себе программную прошивку, а потом наштамповать такие рои в заданном количестве. Эталоны отправят по всем медицинским центрам страны, где локальные микрофабрики – слово мощное, а ведь каждая фабрика размером с комнату, – примутся штамповать их дальше. Сама по себе продукция института уместится в несколько бочек – это с учетом обязательного резерва для непредвиденных случаев. У них есть в цоколе такие здоровые автоклавы, и заполнятся они за считанные недели, микросборка дело быстрое, когда знаешь, что собирать. Вся проблема – в этом, в архитектуре. Как должен выглядеть бот. Что он сможет делать. Сколько проживет.

Всю жизнь Дед бился с проектированием, сто раз перерисовывал модель универсального медицинского бота. Чтобы был один микроб на все случаи: мониторить здоровье, доставлять лекарства в нужную точку, а в идеале – самостоятельно находить и удалять всякую гадость, которую твоя иммунная система не задавит или просто не определит. Никакого больше рака, никакого СПИДа... И ведь Дед выдумал под конец нечто фантастическое. В том смысле, что никто не знает, как собрать эту штуку и заставить шевелиться. Теоретически, говорили, можно, а практически каждый бот будет стоить миллион и не факт, что заработает. Потому что микроб должен быть прост, он за счет простоты живуч и эффективен: антенна, передатчик, движок, сенсоры, манипулятор, органы перемещения – и хватит. А Дед спроектировал механизм сложнейший. Обогнал свое время на полвека минимум...

– Тут есть, на что посмотреть, – протянул Леха.

– Ага. А если бомба рванет – во будет зрелище!

Леха встряхнул головой и наконец-то обернулся к Принцу.

– Ты чего? Россия подписала конвенцию. Бомбу тогда и убрали.

– Ага, убрали! Две килотонны. Там в подвале.

Леха удивленно поднял бровь. Он смутно понимал, что Принц имеет в виду. Еще одна городская легенда. В старых «наукоградах» множество таких легенд. То про секретный кабель аж до самого Кремля, то про линию метро (опять до Кремля, естественно), теперь вот атомная бомба.

И все-таки, в Нанотехе что-то шевелится...

Тут Леха сообразил, на что ему намекают – и рассмеялся.

– Ну, Принц, ты даешь... Ты же электронщик! Зачем там две килотонны?!

Они шли параллельно дороге, возвращаясь к жилой зоне.

– Я вообще-то связист, – сообщил Принц, слегка надуваясь от осознания своей значимости. – И когда чиню наши сети, хуже которых даже в Африке нету, такое слышу от всяких бабулек про эту бомбу...

– Ты же знаешь, кем был мой дед. Спроси меня!

– Больно надо, – Принц надулся еще заметнее.

– Бомба нужна была против серой слизи. Только не атомная. В институте полный штат больше тысячи человек, ты чего. И город рядом. И серой слизи все равно не бывает. Помнишь, грей гу, ее боялись раньше до ужаса. Забыл?

Принц лениво мотнул головой.

– Это же ты у нас спец по микробам.

– Да какой там спец... Грей гу получается из ботов-репликаторов, то есть способных делать свои копии. Если они вдруг начнут бесконтрольно размножаться. Один сделал второго. Вдвоем они сделали еще двоих. Вчетвером – бац, их уже восемь... Через час будет миллион, но ты их без микроскопа не увидишь. А вот через полдня это будет куча весом в тонну. А через неделю они покروют всю Землю. И всем конец. Это и есть серая слизь.

Леха замолчал. Принц ждал продолжения. Это была старая игра, и как всегда, Леха победил.

– Ну? – спросил Принц заинтригованно. – И когда она нас сожрет?

– Да никогда. Серую слизь выдумал такой Дрекслер, великий гуру нанотехнологий, но это был чисто мысленный эксперимент. Ученые над ним издевались, зато народ перепугался – мало не покажется... Дед смеялся. У Деда была статья, «Мифы о нанороботах», там все написано. Чтобы получилась серая слизь, должны взбеситься реальные наноботы-сборщики – которых нету и не предвидится, – да еще и обученные вести поатомную сборку. А как раз ее боты не потянут. Если наноробот захватит атом манипулятором, атом к нему прилипнет, и все, это чистая химия. Массовую атомную сборку надо делать как-то по-другому, не ботами. Двигать атомы бесконтактно.

– А микробы не смогут... Грей гу?

Леха покосился на Принца с ехидным интересом.

– Ты так спрашиваешь, будто очень хочешь, чтобы они могли!

– Скучно тут, – сказал Принц. – А теперь представь: из Нанотеха лезет на город такая серая волна, и мы с тобой ее хреначим...

– Чем?!

– Я придумую, – пообещал серьезно Принц.

– Микроботы не смогут. Слишком много ограничений. Им для репликации нужны материалы, которые повсюду не валяются. В принципе, сам Нанотех они развинтят, а вот тут уже, в лесу, остановятся, здесь сплошная биомасса, им это не подойдет.

– То есть, нас с тобой микробы не съедят? Ну-у, тогда мы им точно вломим!

– На самом деле есть версия, что они раньше спекутся. Допустим, им хватит материала и энергии, но гораздо важнее – куда боты станут отводить тепло, они ведь при такой интенсивной работе сильно нагреются? Даже если поместить ботов в поле подпитки, как на Нанотехе, и дать им приказ размножаться до упора, грей гу вряд ли получится. Ну разберут они на запчасти свою микрофабрику – и сгорят. Вместо ужасной серой слизи получится большая куча серой пыли. Ее сгребут лопатой, на этом все и закончится.

– Бесславно, – повернул Принц. – Слушай, если даже ты понимаешь, что это чушь полная... Зачем тогда бомба?

– Это мы сейчас понимаем. А лет двадцать назад, когда был самый-самый «нанопсихоз» во всем мире, бунта нанороботов боялись на полном серьезе. О серой слизи писали столько жути, фильмы ужасов снимали, власти так нервничали... И тут Дед заявляет: наш новый медицинский бот будет репликатором! Начальство сразу за голову схватилось. Академики убеждали, что опасности никакой, но деньги-то на работу не Академия Наук давала... Дед говорит: нуу проблем, раз народ обеспокоен, давайте засунем в подвал электромагнитную бомбу!

– Ах ты! – Принц хлопнул себя по лбу. – Конечно! Как я не догадался!

– Я вот не догадался, мне отец рассказал.

– Да это само напрашивается – выжечь ботам мозги, и все дела...

– Хватит и того, что вылетит связь. Одиночный бот еле-еле соображает, прошивку загоняют в целый рой, от миллиона штук. Как только связность роя распадется, боты просто остановятся... Правда и Нанотех заодно накроется, да туда ему и дорога, раз накосячил, пускай там вся электроника сгорит! Дед прямо так и сказал, кроме шуток, у него было... Своеобразное чувство юмора. А начальство шуток не понимало. И в один прекрасный день привезли сюда бомбу, самую настоящую. Какой-то «почтовый ящик» ее собрал, в единственном экземпляре. Запихнули в подвал...

Принц почесал в затылке. Он был явно разочарован.

– Как-то очень все просто и совсем не нанотехнологично, – заявил он. – Электромагнитная бомба... Это даже я могу. Простейший виркатор на коленке делается. Не веришь? Ладно,

не совсем на коленке, но тех станков, что в школе есть, вполне хватит. Труднее всего достать взрывчатку, я же не химик. Ее надо-то вот столечко... Обмотка, сердечник... А дай мне ящик «си-четыре» – во всем городе пробки вылетят!

– У кого чего болит...

– А то! Почему все кругом ломают, а я – чиню? Несправедливо. Пора и мне сломать что-нибудь!.. И чего дальше было?

– А дальше было как всегда. Дрекслер думал лет двадцать и наконец сказал, что малость погорячился, и грей гу – бред. А проверить невозможно: таких ботов, чтобы размножались, просто не успели сделать. Ни нано, ни микро. Дед задумал микроба-репликатора – и опоздал, их запретили.

– Кстати, а почему?

– Как потенциально опасные.

– И чего в них опасного? Ты же говоришь...

– Никто не знает, – Леха развел руками. – Раз никто не знает, надо запретить. Правда, знакомо?

– Погоди... – Принц задумался. – Это было в те же годы, когда задавили свободный софт и отняли фабрикаторы у частных лиц, точно?..

– Нет, фаберы запретили еще раньше, мы совсем маленькие были.

– Ну я же помню, у нас дома стоял «Хьюлетт», мне на нем мама игрушки пекла, младший до сих пор в эти танчики играет.

– Правильно, а сколько тебе было лет? Четыре-пять. Да не спорь ты, я же про это специально читал. Как раз тогда начали зажимать все, что нельзя контролировать. Терроризма боялись. Насадил по всей планете тотальный копирайт... А запрет на размножение ботов, это мы в первом классе учились, кажется. Или во втором.

– И что стало с бомбой?

– Достали из подвала и увезли куда-то. Сразу, как Россия подписала конвенцию. Нанотеху больше ничего не угрожает. Вместо продвинутых микробов, которые сами могли бы работать в организме, о которых мечтал Дед, там делают простейших ботов типа «сбегай-посмотри». Их мы и получим через полгода. По три кубика на рыло. Тоска смертная.

– Да, обидно, – согласился Принц. – Никакой романтики. А я-то надеялся... Грей-гуу... Бабах! И во всем городе пробки – на фиг...

– За романтикой – в Африку.

– Нет, спасибо. В Африку я больше ни ногой!

Глава 2

Леха умел ходить медленно только рядом с мамой или с девушкой под руку. Сейчас он привычно быстрым шагом, на грани бега, петлял дворами, лениво перепрыгивая ограждения и пороги. Спрятав глаза за темными очками, заткнув уши музыкой, он витал в облаках. Но даже задумавшись, сохранял мягкую пластику умелого трейсера: будто протекал сквозь препятствия.

...Как смешно с атомной бомбой, и ведь я не знал, что есть такая легенда. А откуда мне знать? Это страх той части взрослых, с которой я не общаюсь. А не общаюсь потому что меня заперли, связали по рукам и ногам. Слух про бомбу Принц подхватил на работе, у Принца есть работа, мне об этом только мечтать. Учись, сынуля, денег дадим. Тьфу. Они не понимают, что значит для нас шанс работать, делать нечто полезное и своими руками добывать деньги... Как сказать? Это все и сразу. Принц может сколько угодно ругать нашу допотопную связь, но ты попробуй отними у него этот кабель, с которым он по двадцать часов в неделю трахается на полставки. Да Принц тебя загрызет. Дело не в зарплате даже – просто работа делает его свободным. Двадцать часов в неделю у Принца взрослые права и взрослая ответственность. И поэтому остальное время он себя тоже взрослым чувствует. Свободным человеком, который сам принимает решения и не кланится денег у мамы. Который вообще в состоянии, чуть что, уйти из дома. Ну не сегодня, но весной у нас будут настоящие паспорта – и все. Конечно Принц не уйдет, у него с матерью отношения замечательные, но главное – возможность. Он может. А я ничего не могу.

А кабель, что кабель, пережиток девятнадцатого века – когда не барахлит. По большей части Принц работает со вполне современной инфраструктурой. Вдобавок, он сам пишет софт – у них на фирме есть лицензированный программист, который заверяет работу Принца своим знаком копирайта. Еще год, два такой практики – и хоть в Москву двигай: там наших берут охотно. А из Москвы весь мир как на ладони. И Принц даже не обязан вернуться, чтобы принять у матери семейный бизнес. Младший брат когда подрастет, никуда не денется, у него с пеленок любимые игрушки – старые хабы да ломаные роутеры... Любит Принц ныть да жаловаться, а глядишь на него – и завидуешь.

Ловко устроился Принц, выпал из схемы. У нас в городе мало шансов для парня средних способностей, не вундеркинда какого-нибудь. Лучший выбор – в Нанотех лаборантом. «Лаборант» это только звучит несерьезно. Пробирки мыть, ха-ха... Нет, пробирки они тоже моют, для этого специальные машины есть. И обслуживают такие машины юные чайники вроде меня. А на опытных лаборантах вся наука держится, и в Нанотехе этот нижний эшелон – настоящие спецы, элита отрасли. Говорят, личный техник Деда только в силу вечной занятости кандидатскую не защитил. Ну и уходить не хотел из лаборатории. А то его бы оттуда за шкуру вытащили. Это же непорядок и расточительство, когда целый кандидат наук круглый день втыкает в микроскоп, джойстик туда-сюда гоняет, а самостоятельных исследований не ведет.

Да, лаборантом в Нанотех – это отличный старт. Там со времен Деда так повелось, что не институт, а форменная мафия. За молодыми внимательно следят, оценивают на преданность делу, на любовь к нему. И кто за пару лет покажет себя патриотом, тот с чистым сердцем уезжает на учебу – его будут ждать. А кто не рвется в большую теоретическую науку, тот и заочно диплом получит. Заработки в Нанотехе самые высокие по городу, и на конкурс вакансий молодежь ломится толпой.

Я бы тоже ломанулся.

Да кто мне позволит...

Леха срезал очередной угол, проскочил между домом и огороженным палисадником, свернул от подъезда к тротуару... И встал, будто в стену уткнувшись. Здесь скучали трое его ровесников, и Леха оказался им очень кстати.

Немного повыше ростом, немного пошире в плечах, немного беднее одеты, с виду такие же старшеклассники, но это если не глядеть в глаза.

Леха едва заметно шевельнул левой рукой, «стряхивая» музыку. Узкий черный браслет на его запястье эти трое уже засекли. Идиоты, зачем вам телефон последнего поколения, вы не сможете его продать. Разве только подсунуть такому же идиоту, который через час окажется в ментовке и, естественно, сдаст вас с потрохами... Что за долбаный у нас город, никто не следит за развитием электроники, а еще технопарк называется...

Дворовый этикет не позволяет бежать сразу, да Леха и не собирался. Драться с такими в одиночку – без шансов. Но и бегать он умеет слишком хорошо, это будет неспортивно: взять да удрать, не сказав ни слова... Пока Леха соображал, какой выкинуть финт, двое умело отсекали ему пути вправо и влево.

– О... – сказал лениво третий, самый рослый. – Школота.

– О! Гопота! – ответил Леха почти весело.

– Ну что ты. Мы простые учащиеся. Мы это... Из ботанического техникума. Будь другом, дай на минуту телефончик. Надо маме позвонить.

Троица медленно оттесняла Леху к двери подъезда, но вплотную еще не подходила. Такие всегда наступают медленно, загоняют тебя в шаблон жертвы. Не будь жертвой. Будь собой.

– Мама волнуется... – протянул рослый жалобно. – Ну дай телефон, правда. Я верну.

Леха медленно завел одну руку за спину. И сказал:

– Сюда гляди.

Достал из-за спины кулак с оттопыренным большим пальцем. Облизнул подушечку пальца. Встал к двери подъезда вполоборота.

Гопники заворуженно наблюдали за его действиями. Потенциальная жертва порвала им шаблон хищников.

Леха приложил палец к контакту домофона. Дверь в ответ издала музыкальный писк.

– Ё! – только и сказал рослый.

Леха распахнул дверь и стремительным броском исчез в темноте подъезда. Дверь не успела закрыться, рослый ее поймал, чуть не отдавив себе пальцы. С громким боевым кличем троица устремилась Лехе вслед.

Секунду-другую на улице было тихо, только из подъезда доносились топот, пыхтение и мат. Потом над козырьком подъезда раскрылось низкое окошко, из него вынырнул Леха. Плавным кошачьим движением он прыгнул с козырька вперед-вниз, погасил скорость перекатом, вскочил и рванул от подъезда к удачно подвернувшемуся бетонному забору. Одним движением взлетел наверх, уселся на заборе и оглянулся.

Из подъезда выбежали запыхавшиеся гопники. Леха приветливо махнул им рукой и пропал за забором. За спинами гопников с железным лязгом захлопнулась дверь.

Рослый, тяжело дыша и одной рукой держась за бок, подошел к домофону и пристально на него уставился.

– Вот же ё... Как он это сделал, а?

Приложил палец к контакту. Безрезультатно. Оглянулся на своих приятелей. Плюнул на палец, снова прижал, опять без толку.

– Мальчик-электроник, мля... – подсказал один из парней.

Рослый оглянулся и авторитетно заявил:

– Не. Тот был рыжий. А этот хрен в очках – Терминатор!

Глава 3

Вот же балбесы, думал Леха, шлятся неприкаянные и своего счастья не понимают. Когда нет постоянного контроля, когда на тебя не давят каждую секунду, когда ты свободен – господи, столько можно всего узнать, только руку протяни. Ничего ценнее информации на этом свете нет: кто больше узнал, тот в итоге больше выдумал. А кто выдумал, тот и герой, время такое, выдумщики в цене, на них охотятся корпорации: алло, мы ищем таланты... Конечно, выдумка должна быть в рамках. Выдумка должна веселить, развлекать, мотивировать. И не нарушать копирайт.

Мама у него волнуется, ха-ха. Юморист нашелся. Тебе бы мою маму, ты бы понял, что с этим не шутят. Ты бы разок увидел, что бывает, когда мама разволнуется – и стал бы навеки шелковый. Тихий, смирный и малоподвижный.

Она хочет видеть сына здоровым – и день за днем вколачивает в меня психологический комплекс инвалида. И кого вырастила – лжеца. Хотя «лжец» слишком красивое слово, я мелкий бытовой врунишка. Маму понять можно, она боится. Она боится, я боюсь, отец не вмешивается потому что тоже боится – взорвать эту идиотскую ситуацию... Кругом одни страхи. Их поколение боится всего и заражает страхом нас.

Дед не боялся. Иначе не стал бы тем, кем был. И я не хочу бояться. Иначе мне не стать собой. Но от одной мысли, вдруг кто-то матери сболтнет, мол, я бегаю по стенам, – душа в пятки уходит. Мама, если об этом услышит, сама на стену влезет по вертикали. Пока вокруг моих родителей заговор молчания. Я даже не просил никого в школе, само так сложилось. Школа хорошая, ребята чуткие, у всех свои нелады со старшими, зачем такого же страдальца подставлять... А ведь с каждым днем все больше хочется, чтобы кто-то проболтался. Надоело врать и прикидываться. Интересно, отец знает? Вряд ли, слишком занят. И интернет для него рабочий инструмент, он просто не ходит туда, где висят ссылки на наши с Принцем ролики. А мама шлаться по интернету не любит. Ей там нужны одни кулинарные рецепты. Удивительно, но факт.

А может, она боится что-то узнать. И отец боится. Опять страхи.

Я читал, это проблема их поколения. Им сначала очень много разрешали, потом все запретили. Трудно понять, когда старшие сами об этом пишут – и ничего не пытаются сделать. Еще труднее понять, отчего они, такие свободные, не дергались, когда им запрещали.

Запрещали ведь такие же, их ровесники.

Мы должны были жить в совсем другом мире – мире открытого кода. Мире, свободном для творчества и производства.

А его с перепугу забанили, сразу и весь.

Об этом не рассказывал в школе. В моей жизни есть хотя бы напоминание о стертом мире мечты: стоит на даче большой пластиковый ящик, с виду то ли принтер, то ли копир – один из последних фабрикатов. Дед позаимствовал его в институте и «забыл вернуть». Он наверное лет десять как списан. А то бы приехали менты и забрали. Хотя и так всем понятно, что фабер без порошка никакому террористу даром не нужен. А порошок для фабера теперь «режимный» продукт, в частные руки не попадает.

А ведь фабер мог сейчас стоять в каждом доме. И ты бы выпекал на нем все, что в голову взбредет, от столовых приборов и водопроводных труб до мебели. Скачал программу из интернета – и сделал для себя вещь. Если придумал, как сделать новую вещь – обсчитал ее координаты, прописал алгоритм, сбросил программу в сеть, пусть другие пользуются. Фаберы становились все лучше, самые продвинутые умели впекать в пластмассу металлические нити: достаточно, чтобы собирать бытовую электронику. Еще чуть-чуть, вот появишься только полимерные чипы, и ты смог бы от начала до конца сделать компьютер. Не свинтить из готовых

деталей, а именно сделать! Да ладно компьютер, а панели для солнечных батарей? В пасмурной России не очень актуально, а для большей части мира – сначала частичная, затем полная энергетическая независимость каждой семьи.

Но главное – сам принцип. Вот стоит ящик, ты сыплешь в него пластиковый порошок и металлическую стружку, он пытит-тархтит и выпекает тебе вещь, за которой не надо идти в магазин. Хочешь дверную ручку, а хочешь – бумбокс, фаберу без разницы, была бы программа. А программы совершенствуются вслед за фаберами: код открытый, бери и дописывай. Хочешь, настраивай детали и собери еще один фабер. Правда, двигатель и лазерную выжигалку придется купить, но рано или поздно фаберы научились бы делать и их.

У хорошего фабера был шаг в семь микрометров, это диаметр эритроцита, вообще-то. Это такой достойный микроуровень, на котором относительно недавно работали даже в самом Нанотехе. Но все равно от семи микрометров очень далеко до волшебного «нано» – молекулярной, а то и атомной сборки. Микроуровень позволяет собирать сложные вещи из готового материала, наноуровень – из чего угодно.

В физическом смысле между микро и нано – пропасть, в психологическом – один шаг. Пускай всего лишь микросборка, зато ты уже независим, ты сам себе фабрикант. Когда простой человек приучается делать предметы обихода одним нажатием кнопки, это уже совсем другой человек, новый. А приучается он быстро, как привыкли наши прабабушки к мобильным телефонам – и взялись за компьютеры.

Этого не узнаешь на уроке обществоведения: мир должен был перевернуться.

Должен был, да не перевернулся – вот и нет этого в учебниках.

Все перечеркнул один террористический акт. Рой крошечных самолетиков со взрывчаткой, атаковавший Пентагон, оказался выпечен на бытовом фабрике.

Власти ответили. Составили обширный список «террористически опасных» бытовых технологий и мирных профессий. Запретили передачу фаберов в частные руки. Ввели лицензии для программистов и крепко зарегулировали интернет. Покончили со «свободным софтом»: бесплатный – сколько угодно, с открытым кодом – нет. И наконец, заклепали последнее звено той же цепи: приняли всемирную конвенцию против репликаторов, под которую попали микроботы. В городе ходил слух, что конвенция доконала Деда, неспроста через несколько месяцев умер. Дед занимался именно репликаторами, он шел к ним всю жизнь. Институт сосредоточился на медицинских ботах, это было нужнее всего, под это давали средства, но в перспективе Дед мечтал о мире тотально открытого кода, мире всеобщей микросборки, а затем и нано-сборки, чтобы люди мановением правой руки создавали изысканную пищу, а левой – звездные корабли...

Некоторые говорят, тот теракт был намеренной провокацией.

А отец говорит, если я буду все время про это читать и потом лезть к нему с вопросами, он «отрубит мне сеть». Я сказал, ты отстал от жизни, теперь интернет отрубается только если обрушить 4G во всем городе. Отец хмыкнул и заявил: «Не представляешь, насколько это просто». Мы с Принцем долго соображали, как именно заведующий отделением городской больницы может грохнуть сетку. Я решил, что папа малость преувеличивает. А Принц чесал-чесал в кудрявом затылке и вдруг ляпнул: «А ведь это смотря, кого он лечил. Он кого только ни лечил!» Тут и я задумался.

У старших другие понятия, другие методы, это надо знать и помнить. Они родились еще в СССР, выросли в дикие 90-е, правят нашим миром сейчас. Похоже, мы не до конца понимаем, насколько это суровые и безжалостные люди. Они просто делятся на тех, кто высказывается в интернете, и тех, кто вообще ничего не говорит никогда.

У нас дома прошлое не обсуждается. История семьи – да, но как заходит речь о новейшей истории страны и мира – будто в стену носом. У Принца то же самое. У Марии вроде не так, но там семья особенная, папаша деловой, бизнесмен, ничего и никого не боится. Только Марии с

ним особо говорить некогда: занят. А в целом по городу – тишь да гладь. Да и по всей стране как будто. Рылом в зомбоящик, и тишина мертвая.

Где еще в развитых странах осталось классическое эфирное телевидение? Только в России наверное.

А потом удивляешься, почему все уверены, будто Нанотех делает нанороботов. Ну конечно, так на вывеске написано, так по зомбоящику бубнят день за днем. Сам Михалборисыч, директор Нанотеха, говорит: «нанороботы»! Ну как ему не поверишь... Правильное словечко «микроб» разнесли по городу сотрудники института, и на том спасибо. Но в чем разница между наноботом и микроботом, это уже публике не вдолбишь, да и незачем.

Им незачем. А мне надо.

Люди должны понимать, с чем имеют дело, я так считаю. Все должны, все и каждый, иначе ничего хорошего у нас не получится.

Люди имеют право знать...

Он по-прежнему был в очках и опять слушал музыку, а заборов тут понастроили видимо-невидимо, не дворы, мечта трейсера. С очередного забора Леха прыгнул не глядя, в глубокой задумчивости, и свалился на свою одноклассницу.

Пришлось ее поймать и слегка обнять чтобы не упала.

– Ой! Леша...

– Ой, – согласился Леха, выпуская девушку и отступая на шаг назад. – Даш, извини.

Привет.

Он даже руки в карманы засунул, чтобы она чего лишнего не подумала.

Даша была миловидной блондинкой с прической из позапрошлого века: волосы гладко убраны, за спиной длинная толстая коса, никаких крашенных перьев и побрякушек. Ни телефона на запястье, ни затычек в ушах. Одета, на первый взгляд, с Лехой вровень – подумаешь, футболка-джинсы-кроссовки, обычный летний набор старшекласника. Только весь этот гардероб не стоил одного Лехинового носового платка.

Дашу в школе любили и втайне жалели. Принц говорил, у нее эталонная фигура, и это просто безобразие, что такое сокровище нельзя красиво одеть, точнее, подобающим образом раздеть.

– Ну ты летаешь!

– Да ла-адно... – протянул Леха. – Сверху вниз любой может. Вот снизу вверх... Ну, это. Давно не виделись. Как отдохнула?

– А, все лето в деревне. За младшими присматривала.

– Ну да, вас много... – буркнул Леха, вспоминая, сколько их там, пятеро или шестеро. – Загорела. Отлично выглядишь.

– Спасибо... – Даша смущенно потупилась. – А ты где?..

– Опять тур по санаториям, – Леха сморщился. – Нет, было замечательно, только врачи... Устал я от них. Ну, ты знаешь.

– Ты здоровый, – сказала Даша.

– Догадываюсь. Кто бы маме намекнул. А мне, оказывается, километр проплыть – раз плюнуть. Дурак, что раньше не пробовал.

– Это где? – завистливо спросила Даша.

– Нет, не в одну сторону, кто бы мне позволил. Я между буйками мотался туда-сюда... – ушел от ответа Леха.

Незачем ей знать, что это было в Италии, а врать неохота. У Лехи отец прилично зарабатывает, да от дедушки остался солидный депозит в надежном банке. А у нее отец инвалид. Пострадал за нанотехнологии – позвоночником и, к несчастью, головой.

– Километр... – мечтательно протянула Даша. – Это брассом наверное полчаса, если не рвать. Я бы попробовала. А то... А?

– Слушай, это сорок дорожек! Двадцать кругов. Голова закружится! Или я засну от скуки и утону. И потом, физрук скорее сам утопится, чем разрешит плыть на дальность. У него на морде написано, как он боится, что кто-то пойдет ко дну, и ему придется за ним нырять.

– Может, он плавать не умеет? – спросила Даша страшным шепотом.

Они немного посмеялись, то глядя друг на друга, то отводя глаза. Им было как-то неловко рядом.

– Ну чего... – сказал Леха. – До послезавтра?

– Угу.

– В первый раз в предпоследний класс, – очень смешно пошутил Леха, аж стыдно немного стало.

– Ага.

Вот беда, подумал Леха, я ведь действительно рад ее видеть, она такая милая, но говорить нам не о чем, а главное, незачем, хороша Даша – да не наша. Убил бы кто ее родителя, что ли, этого сектанта долбаного.

– Ну я побежал.

– До свидания, Леша.

Леха решительно повернулся к девушке спиной и зашагал по улице. Даша смотрела ему вслед. Леха вдруг обернулся.

– Ты это... Марию не видела? Она не вернулась еще?

Даша отрицательно помотала головой.

– Ну, счастливо! – Леха сменил шаг на обычный свой полубег и исчез за углом.

Даша проводила его взглядом. Достала из заднего кармана шелковую косынку, неприязненно осмотрела ее, тяжело вздохнула, повязала на голову и пошла своей дорогой. Домой.

Глава 4

Мама как обычно поджидала Леху в прихожей. Всегда она успевала оказаться тут: пока с дверным замком справишься, родительница уже на своем месте.

– Привет, мам.

– Ну как ты? Иди сюда.

Мало удовольствия, когда тебя властно берут за плечи и принимаются разглядывать, словно больного. Леха давно уже не стеснялся морщиться во время этой процедуры, а в последнее время морщился демонстративно, напоказ, но мама в упор не видела, что сын недоволен.

Она умела такие вещи не замечать.

Закончив внешний осмотр, мама потрогала Лехин лоб.

– Вроде не горячий.

Леха позволил себя поцеловать в щеку и деликатно вырвался.

– Ну хорошо. Позанимался?

– Уи, мадам. – Чтобы врать убедительней, Леха перешел на французский. Они, собственно, этим должны были заниматься битых два часа вместо беготни по городу: втыкать в монитор со скучными упражнениями на френче. Принц сам вызвался Леху подтянуть по языкам, сегодня был «французский» день. Прононс у Принца, мягко говоря, африканский, зато грамматику он чувствует интуитивно. И очень удивляется, с чего это одноклассники считают ее сложной. Не дай бог ляпнуть при нем «пардон муа», полчаса издеваться будет.

Пардоннэ муа, пардоннэ!

– Принц ездил в Африку этим летом, ты знаешь? Говорит, не хочет туда больше. Ему там не нравится.

– Ну и слава богу. Ох, бедная его мама...

– Почему бедная? – Леха от удивления заговорил по-русски. – Свой бизнес, все хорошо у нее.

– Вырастешь – поймешь. Может быть.

Леха пожал плечами и направился в свою комнату.

– Обедать через полчаса, – донеслось вслед ему. – Не забудь про таблетку.

– Угу, – привычно бросил он, не оборачиваясь.

Комната у Лехи была небольшая, но уютная. Обычная комната подростка, ничего примечательного, только на столе у компьютера стояла неожиданная вещь. Издали она выглядела как модель вертолета, искусно выточенная из пластика и крашенная серебрянкой, местами потертой.

Леха взял модель на руки и погладил как котенка. На самом деле, это был не вертолет классической схемы, а нечто странное. Прямо стрекоза с нестандартным движителем. Широкие короткие лопасти винта, каждая заканчивается соплом, четыре когтистых лапы снизу, продольное сопло под брюхом на всю длину машины, два суставчатых манипулятора спереди, какие-то антенны... Куцый хвост-стабилизатор казался вообще рыбьим.

Ротативный вертолетик – интересно, такие когда-нибудь летали? – с лапками. Несмотря на всю свою несуразность, выглядела игрушка очень симпатично. Добродушно. Вызывала доверие и желание улыбнуться.

Правая рука была занята, на ней сидел вертолетик, поэтому Леха поднес левое запястье к носу и ловко сдернул телефон с руки зубами. Родители такого обращения с ценной вещью не одобряли, но так все в школе делали, это был особый шик. Браслет развернулся в узкую пластинку, затвердел, на нем проявился небольшой мониторчик, нарисовались подсвеченные кнопки.

Можно было, конечно, и носом ввести команду, это тоже забавно, но Лехе нравилось, как телефон меняет форму. И зубами его хватать нравилось.

А голосовое управление – для школоты.

Он почти не глядя мазнул одним пальцем по кнопкам.

– Пап, ты не занят? Слушай, я спросить хотел... Я тут шел мимо Нанотеха и подумал... Мне раньше даже в голову не приходило...

Он поднял вертолетик на уровень глаз.

– Микробы, над которыми Дед работал. Это ведь были репликаторы, и когда Россия подписала конвенцию, программу закрыли. А теперь представим, что Дед успел собрать опытную партию немного раньше... Как думаешь, он испытал бы их на себе?

– С чего бы это? Вкалывать себе неапробированный материал?..

Голос отца был удивительно похож на Лехин, только пониже. Еще интонации совпадали. Все, кому доводилось слышать их телефонные разговоры, уверяли: такое впечатление, будто Леха сам с собой общается. Правда, тот Леха, который на другом конце линии, поумнее заметно.

– А-а, понял, о чем ты, – сказал отец. – Нет, Леш, прости, исключено.

– Он мог бы жить. Если бы не конвенция. Тогда не было ботов, способных лечить, да их и сейчас нет! А Дед опередил время, он их придумал. Они бы почистили ему сосуды, и этот дурацкий тромб заодно...

– Возможно. Но во-первых, он ни на что не жаловался и не чувствовал себя больным. А во-вторых, он не имел права на такие фокусы.

– Почему?! – то ли вскричал, то ли взмолился Леха.

– Потому что он был ученым, – сказал отец как отрезал.

Повисла унылая пауза.

– Микроб такого уровня – очень сложная машина, – сказал отец терпеливо. – Никто не знал, как она себя поведет. Только-только начались эксперименты с ботами-диагностами, а тут такая... Зверюга. Не было гарантий, что эта фигня вообще сможет шевелить лапами. Дед говорил, там в принципе огромный запас по вычислительной мощности и способности удерживать прошивку. Минимальный рой таких ботов мог бы обрабатывать на уровне средней мобилы тех лет. Очень неплохо. Но это единственное, в чем Дед был уверен заранее. Какие тут испытания? Сначала образцы, потом опытная партия – и тестовый период минимум года полтора. И только если все тесты пройдут без сбоев, тогда в самом конце – испытания на добровольцах.

– Ну и...

– Дед просто не имел права записаться в эту группу. Не дай бог полетит настройка, бац – и тебя развинтили на фиг твои собственные боты. Разобрали на молекулы. Зашел в лабу научный руководитель, вышел центнер серой слизи. Очень весело, да?

– Серой слизи не бывает, – парировал Леха.

– Это мы сейчас так думаем, а тогда никто не знал! И сейчас никто не знает наверняка, между прочим. И сколько Дед ни хихикал над серой слизью, на самом деле он эту проблему всерьез обдумывал. Потому что обязан был учитывать все, даже такую фигню... Не забывай, он отвечал за весь институт, и тут уже не до фокусов. В последние годы Дед сосредоточился на науке и текущие вопросы свалил на Мишку... Виноват, на Михалборисыча. Но директором Нанотеха всегда был и оставался именно Дед. А командир собой не рискует, Леш.

– Все говорят, он не боялся...

– У-у... Дорогой мой, они не понимают. Болтают много, а не понимают. Конечно у нас теперь говорят, я сам это слышу, мол Дед был смелый, не прогибался, при нем такого бардака не было и так далее... Но говорят не про ученого, а про начальника. Он не дрожал за свою карьеру, не боялся врезать кулаком по столу, и за людей стоял горой, и много для них сделал,

да и для города в целом... И он проявил достаточно смелости, я тебя уверяю, когда ввязался в гонку за нанотехнологиями.

Леха поставил вертолетик на стол, подошел к окну, тяжело оперся о подоконник. Он никогда не чувствовал себя усталым и удивлялся, если другие на это жаловались, а тут вдруг стало как-то трудно. Муторно. Отец говорил разумные и справедливые вещи, но отец вообще был такой... Рассудительный.

– Думаешь, никаких шансов?

– А чего думать, Леша, все на поверхности. Этот бот мог быть только репликатором, иначе и браться нет смысла, разоришься. Сборка единственного прототипа тянула на полгода. Это тысяча человекочасов ювелирной ручной работы. Но если вводить репликацию, значит, и без того переусложненный бот становится еще сложнее, число возможных багов и глюков подсакивает до неприличия, доводка занимает еще больше времени... Времени Деду и не хватило... Во всех смыслах. Когда запретили репликацию, Дед со своими ботами попал в ловушку. Сколько он мог их сделать? Десять? Двадцать? А нужны десятки миллионов хотя бы для первых тестов.

– У него ведь была своя лаба, свои мощности, – выдвинул последний аргумент Леха. – Он мог наплевать на запрет и...

– Нет. Пойми, время ученых-одиночек давно прошло. Микробов не создают на коленке. Их в одиночку просто не придумаешь, я уж молчу про детальную разработку. Ну была у него своя лаба, в которой непонятно, что творилось, туда даже Михалборисычу хода не было... Но косвенно на Деда пахало человек двести – и пахало со страшной силой. А это половина научных мощностей Нанотеха. Физики, химики, микробиологи, программеры, врачи-кибернетики... Да, в конце цепочки стояли только трое, Дед, его техник, и его программист. Но без этой огромной группы поддержки они не могли продвигаться дальше. Проект закрыли – и все, привет горячий.

– Он мог бы жить.

Снова возникла пауза, на этот раз долгая.

– Пап, ты чего? Пап?

В нескольких кварталах от окна, у которого стоял Леха, тем же самым движением, будто копируя сына, оперся о подоконник его отец.

Повторяя друг друга в мельчайших жестах, они не были особенно похожи лицом. Отец выглядел гораздо жестче, суровее: человек, не просто с годами привыкший отвечать за свои решения, а изначально созданный для этого. Вряд ли он когда-то был таким милым юношей, как сейчас его сын. Образ Лехи подошел бы для рекламы, лицо его отца – для пропаганды. А ты что сделал, чтобы Россия встала с колен? А я дал ей по заднице!

– Задумался, чего... Вопросы у тебя...

Как объяснить подростку, чтобы тот поверил? У парня в голове каша, он слишком много читает всякой ерунды, хоть и правда интернет ему отрубай. Сейчас у них мода обвинять старших в том, что профукали шанс выстроить принципиально новый мир. Мы профукали. Как будто от нас, частных лиц, многое зависело. Это звучит красиво: «мир открытого кода». А реально – угроза экономического коллапса, целые регионы голодных безработных, да чего там, целые страны. Подростку не втолкуешь, насколько все сложно, тут не каждый взрослый разберется. Остается верить экономистам. Но подросток не обязан верить никому, на то он и молодой человек, весь устремленный в завтра.

Особенно если у подростка дедушка был ученым мирового класса и, по непроверенным данным, выдумал черт-те-что, способное якобы поставить на уши всю планету – а его тормознули буквально на последней секунде. Во имя всеобщего блага и стабильности.

Трудно с такой легендой, она ведь правдива в основе своей, кто бы знал, насколько. Кто бы знал. Я-то знаю, к несчастью.

Дед замахнулся на такого навороченного бота, от которого один шаг до универсала. Дед это понимал отлично. Сначала универсальный медицинский бот, а вслед за ним – универсальный сборочный микроб. Нанотех стал бы мировым лидером в своей области, Россия сделала бы рывок прямо в будущее, обгоняя всех. Но это понимали и другие. Страны-конкуренты, скажем так. И они доходчиво объяснили нашим властям, чем может закончиться такой прорыв, если сборщики-репликаторы «пойдут в народ».

Поголовье ботов начнет стремительно расти, управляющие программы для них бросятся писать все, кому не лень. Запреты на открытый код просто рухнут: к каждому умнику не приставишь мента. Через год начнется хаос: неконтролируемая сборка чего угодно где угодно из любого металлолома и промышленных отходов. Энергию сначала будут покупать и воровать, потом наделают солнечных батарей. Люди получат такую свободу, о какой и не мечтали, но это потянет за собой распад всех производственных цепочек. Дальше рухнет финансовая система. А на нее завязана такая хрупкая вещь, как сельское хозяйство. Пищу микробы не делают, это уже наноуровень. А до наноуровня нам – как до Москвы раком. И на планете, заваленной бараклом, наступит голод. И будет война. Мы просто не готовы к ботам-репликаторам, как оказались не готовы к фаберам и открытому коду. Наш мир слишком уязвим. И одним из тех, кто нес ему угрозу, случайно оказался честнейший и добрейший ученый, старый опытный микроэлектронщик Алексей Деденёв по кличке Дед.

Конечно мы никогда не узнаем, кто с кем договаривался, и какие бонусы Россия получила. Наверное получила, не могла же Москва прикрыть это направление чисто по дружбе. Тогда все разговоры были только про модернизацию, про рывок вперед и нанотехнологии, будь они неладны.

Ну и пошли по известному пути, который уже обкатали... Сначала на клонировании, потом на фаберах. Да, власти были очень напуганы. Черт знает, насколько опасны фаберы и открытый софт для них – подумаешь, взорвали Пентагон, тоже мне трагедия... А с репликаторами шутки плохи, они бы точно поставили мир вверх ногами.

Но как хотелось это увидеть, черт побери... Вот едет по земле машина и оставляет за собой готовое шоссе. Вот прикатили строители бочку, вывернули ее содержимое на кучу песка и щебня, воткнули пару проводов, свистнули – и вырос дом. Вот привезли на городскую свалку контейнер – и давай из мусора штамповать компьютеры. Или стиральные машины. Или чайники. Да что угодно.

А у нас в медицине? Ставишь в операционной ящик, и из него лезет по твоему приказу любой инструмент, любой материал, уже стерильный. Чем плохо? Тем, что неестественно, невообразимо дешево? Ну придумайте, как это компенсировать!.. Тем, что людей трудно будет контролировать, и они натворят черт-те-чего? Ну сообразите, как держать их в рамках... Мечту-то не отнимайте! Все бы вам запрещать. Этого нельзя, того нельзя... Всего боимся, держимся за «стабильность», а у нас тут люди мрут, которых микробы Деда могли бы спасти.

То-то на нас дети с подозрением смотрят. Не любят дети тех, кто слишком боязлив. Чуют, что дело нечисто...

А услышал бы Лешка, в чем я сам участвовал... Он, разумеется, помнит, что его отец работал в Нанотехе. Но думает, я там в санчасти прозябал. И ведь не расскажешь: будут только новые вопросы, на которые я не смогу отвечать.

Сколько всего я хотел бы забыть, подумать страшно...

– Пап! Ты там заснул, что ли, на рабочем месте?

Отец стоял у окна в своем кабинете, крупный сильный человек в белом халате, и глядел на город. Очень медленно и глухо, будто на него свалилась неподъемная тяжесть, он сказал:

– Все было решено восемь лет назад. Ничего не исправишь, дружище. Ты не переживай. Дед успел сделать очень много.

– Да, конечно... – отозвался Леха несколько подавленно. – Я тебя расстроил, пап, я же слышу. Извини.

– Ерунда. Просто... Всякое разное вспомнилось.

– Ну ладно, извини еще раз. Пока!

Отец дал отбой и крепко сжал трубку в кулаке. Поглядел на телефон и сказал то, чем стило бы завершить разговор.

– Ты и подумать не можешь, как много он успел.

И снова уставился в окно.

Глава 5

восемью годами раньше

Когда больница становится твоим вторым домом, ты понимаешь, что тут можно жить, а значит – можно все. Здесь ездят верхом на каталках, устраивают дурацкие розыгрыши, влюбляются, ссорятся, выпивают после смены и даже иногда лечатся. Совсем изредка прямо тут, на работе, врачи умирают.

Неверно думать, будто медики «привыкают к смерти». Они перестают бояться ее. Смерть для них – не экзистенциальное зло, а враг, с которым можно и нужно бороться. Их профессия – не давать людям умирать раньше времени. А еще врачи лучше всех остальных знают, насколько смерть отвратительна.

Виктор Васильев, терапевт, был не из тех, у кого пациенты, что называется, «на руках» гибнут: специальность, в общем, не располагает, не экстремальная она. Даже у психологов иногда клиентура в окна прыгает – терапевт после такого выкрутаса сам бы к психологу побежал.

Сейчас Васильев стоял, глядя пустыми глазами в стеклянную стену палаты, где умирал его ребенок, и вспоминал: а кого он потерял из тех, кого диагностировал и потом «сопроводил»? Ну, был один дедушка-хроник, кардиологический, но Виктор его не упустил, все сделал как надо, приди больной на обследование раньше, прожил бы потом не два года, а все десять. А без Виктора и год не протянул бы. И бабушка еще одна, тоже хроническая, и тоже сердечница, неоперабельная уже, и снова вины его нет, хоть немного, но помог.

Люди приходят слишком поздно. Всегда слишком поздно. Но одних мы еще можем вытянуть, других – нет. А проблема зовется единственным нерусским словом: мониторинг. Дайте нам тотальный мониторинг, и люди перестанут опаздывать к врачу. Врач сам позвонит и скажет: ну-ка, зайдите ко мне на минуточку.

И не даст тебе, бедолаге, помереть раньше времени.

Поэтому когда на горизонте возник Деденёв со своими гениальными микроботами и поманил за собой, Виктор пошел к нему не раздумывая. Деду не интересен был простой терапевт, хоть и загоревшийся идеей, он сказал: доучишься, тогда приходи, я тебя запомнил. Васильеву было уже под тридцать, на свой страх и риск он снова взялся за учебу, ночей не спал, как в молодые годы, получил-таки вторую специальность, врача-кибернетика, и с двумя уже дипломами явился в институт на окраине города. Институт стал гораздо красивее и сменил вывеску. А директор был все тот же: худое костистое лицо, ехидный прищур. Седые усы до подбородка, которые Деденёв отпустил после смерти жены, делали его похожим на отставного пирата. Человека с такой внешностью легко принять за провинциального хитрована, уверенного, будто самый умный. На этом многие попадались: к тому моменту, когда становилось ясно, что Дед не склонен хитрить, и действительно умен, он успевал добиться от вас всего, что ему нужно.

«Вот и ты! – обрадовался директор, словно пары лет не прошло, а пара дней только. – Очень вовремя, приступай».

«Экспериментальная клиника» оказалась крошечным стационаром, но у Деда все было такое: маленькое да удаленькое. Небольшая комната, набитая сверкающим железом, гордо именовалась «микрофабрикой», а на показуху вообще «нанофабрикой». Цокольный этаж – «промзона», три специалиста – лаборатория, пятеро уже сектор. Поначалу много было только охраны и денег. Еще менеджеров от науки, мастеров «толкать процесс» и красиво нести бред по зомбо-

ящику, крутилось вокруг Деда немало, но этих он быстро заставил перекусать друг друга, выпестовал самого зубастого и назначил исполнительным директором.

И стало, в общем, очень интересно, и было время больших надежд. Слово «нанотехнологии» звучало в эфире по десять раз на дню, от него уже всех тошнило, при этом никто в стране не понимал толком, что такое «наноробот». За исключением Деда и узкой группы ученых. И, конечно, Мишка, Михалборисыч, тот самый зубастый исполнительный директор, выросший со временем до первого заместителя – он тоже понимал в микробах, хоть и разливался про фантастических «нанороботов» соловьем на каждом шагу, от забора Нанотеха до самого Кремля. А Дед реально знал, что за зверь микроб, и реально хотел его построить. Сначала бота-диагноста, потом доставщика лекарств, затем чистильщика, и наконец, создать бота не простого, а золотого – универсального микроврача. Позже Дед проговорился, что не будь он уверен в успехе, и не рискни озвучить такую сильную идею, ему не дали бы ни гроша.

Потому что деньги тогда рвали на себя все, кто мог произнести слово «нанотехнология» без запинки. И пока не ошарашишь московских бюрократов презентацией, доступной их убогому пониманию, то есть, похожей на картинку из фантастического кино, – фиг тебе, а не деньги. Да, у института было сильное конкурентное преимущество: Дед жизнь положил на микромеханизмы, и институт всегда пахал именно в этом направлении, закапываясь все глубже, вплотную подойдя к пресловутому наноуровню безо всяких специальных госпрограмм и нацпроектов. Только это ничего не значило. Все решали личные связи и наглый пиар.

Дед не мог не влезть в «наногонку». И он влез, отхватил жирный кусок, набил институт под завязку специалистами, которых ему раньше не хватало, загнал всех в актовый зал и произнес речь:

– Тут собралась команда, помешать которой не может ничего кроме законов природы. В законах природы мы немного разбираемся. У нас нет оснований не сделать то, на что мы замахнулись. Через пять лет выходим на прототип. Через десять на клиническое применение. Максимум через пятнадцать на тотальную загрузку ботов всем и каждому. Кто хочет помереть молодым, здоровым и красивым в возрасте ста пятидесяти лет – за работу, коллеги. А кто хочет жить вечно – за работу сию же секунду! Раньше начнем, раньше кончим!

Переждал нервный хохоток, прокатившийся по залу – тут задержась, когда такое на полном серьезе говорит ученый мирового уровня, ранее не замеченный в прожектёрстве и увлечении научной фантастикой, – и ляпнул:

– Я-то не доживу. Вам решать.

Вот тогда Васильев в него и уверовал окончательно.

Институт разрабатывал «трешку», бота-диагноста третьей серии. После небольшой доработки этот маленький хитрый головастик мог бы воплотить в жизнь мечту доктора Васильева – всеобщий глубокий мониторинг здоровья. Это была очень важная, но уже понятная, текущая работа. Экспериментальный сектор Нанотеха, подчиненный напрямую директору, с каждым днем все заметнее от нее отдалялся.

Дед возился со своим перспективным ботом-универсалом. Судя по слухам, доносившимся из экспериментального сектора, поначалу универсал выглядел более-менее достижимой вещью, но при детальном рассмотрении оказался способен вымотать главному разработчику все нервы, а исполнителей довести до истерики. В том, что рано или поздно они универсала все-таки «добьют», а не эта микротварь замучает их насмерть, экспериментальщики были уверены, но когда именно придет время пить шампанское, предсказать никто не брался.

Потом Дед открыто заявил, что универсал может быть только репликатором. Это тянуло за собой очередное усложнение конструкции, а тут еще кто-то вспомнил про угрозу серой слизи. Начался форменный бедлам, по итогам которого в подвал института поставили бомбу – горожане, естественно, решили, что атомную.

Приспособить манипуляторы универсала к сверхточной работе по сборке своих копий и прописать необходимые алгоритмы в прошивке казалось почти невозможным. Но все уповали на Деда: за ним знали случаи гениальных озарений...

Сейчас гениальный Дед стоял за спиной Виктора, глядел через его плечо в ту же стеклянную стену. За стеной лежал на койке, обставленной аппаратурой, мальчик семи лет. Единственный сын Виктора, единственный внук Деда.

– Вот и все, – сказал Виктор. – Завтра нам его отдадут. Подгоним машину – и на самолет. Доехать бы по нашим колдобинам... Долетим до Израиля, положим... И будем надеяться на чудо.

Дед тяжело переступил с ноги на ногу. Всомогущий в стенах института и почти всеильный в рамках города, вопросами жизни и смерти он не заведовал, увы.

– Без чуда никак? – буркнул он. – Я слышал, у израильтян огромный опыт.

– Честно? Никак. Сгорел будто свечка. Мы даже не опоздали. Представляешь, мы даже не опоздали...

– Ну-ну, ты же врач. Ты-то знаешь, что чудеса бывают.

– Слишком редко.

«Не наш случай», – едва не сказал Виктор, но удержался. Пусть хотя бы старик надеется на лучшее – у него сейчас и без того неприятности.

Большие неприятности.

Глава 6

Монитор был во всю стену, и за последние лет десять чего только на этой стене ни рисовали, какие сильные проекты на ней красовались, как все мощно выглядело! Кто бы мог подумать, что однажды включишь первый канал – и с той же стены тебя, будто ледяной водичкой, окатят реальностью, с головой да насквозь, аж до костей.

Диктор вещал так складно и убедительно, словно понимал, о чем говорит.

– Итак, на следующей неделе Россия станет последней страной, подписавшей конвенцию о запрете репликаторов – нанороботов, способных производить свои копии. Серая слизь, известная вам по фантастическим блокбастерам, останется фантастикой навсегда!

– Заткни его, сил нет, – попросил Дед.

Михаил отмахнулся от стены пультом – изображение померкло, диктор умолк, – и преданными глазами уставился на начальство.

Он умел разыгрывать сочувствие и поддержку очень убедительно, но Дед этой маске не верил ни на грош. Генеральный директор слишком давно знал своего первого заместителя. Эффективный менеджер, акула от науки, редкий в некотором роде специалист. Лететь вперед на всех парусах с таким на пару хорошо, зато тонуть плохо: акула она и есть акула, первым делом сворачивает туда, откуда кровью запахло.

Сейчас кровью, свежей, пахло от Деда. Вырвали из него кусок мяса.

– Останется фантастикой... – повторил Дед за диктором. – Ну вот, поработал на благо мира и прогресса, хе-хе... Теперь отдохну.

Приказ на закрытие работ ему привезли утром спецпочтой. Он знал, что такой приказ существует, еще неделю назад, и сам не понимал, зачем тянул время. Государство – мажоритарный акционер Нанотеха, – аннулировало свой заказ.

Внутренний телефон стоял рядом, только сними трубку, нажми пару кнопок, скажи пару слов. И иди домой, отдыхай. Дед протянул руку.

– Да погоди же, – сдавленно произнес Михаил.

Решается, подумал Дед. Или делает вид, что решается. Сейчас начнет умолять, потом давить. Но что он может сказать мне? Какие раскроет карты?

– У меня приказ на столе, – сказал Дед сухо.

– Погоди. Приказ... Это так. Тебя задвинули. Но мы еще не проиграли.

– Мы? – переспросил Дед.

– Пятая серия.

– Миша, – сказал Дед почти ласково. – Оставь пятую в покое. Она с самого начала была э-э... Игрой ума. Научной фантастикой. А сейчас тебе по телевизору сказали – фантастикой и останется.

– Слушай, но когда мы ее в последний раз обсуждали, ты был настолько уверен в успехе...

– А какое это имеет значение теперь? Решение принято на высшем уровне. На высшем, понятно? Решение чисто политическое. Деньги спишут подчистую, мы ни копейки государству не должны. Хороший аргумент? Ничего не было, друг мой. Как будто ничего и не было.

– Но они не знают!

– А чего им знать-то? Я не успел... И главное, какая разница? Говорю же: это политическое решение. Друзья из-за океана попросили, хе-хе... Высокие договаривающиеся стороны окончательно перетрусили. И договорились. А что, я их понимаю. Все логично. Все ради стабильности. Фабрикаторы, репликаторы... Скоро гвоздодеры запретят!

– Ты еще можешь смеяться? Завидую.

– И лопаты, обязательно лопаты отнять у народа. Человек с лопатой – страшная сила!

– А-а, понял, это ты меня добить хочешь.

– Расслабься, Миша. Расслабься и получай удовольствие. Что нам еще остается?

Михаил так сжал зубы, что на скулах заиграли желваки. У него было гладкое лицо человека, привыкшего заботиться о своей внешности – приятное, располагающее лицо, и он умел им играть, будто прошел солидную актерскую школу. Но в этом кабинете личное обаяние ничего не значило. Здесь не притворялись, все начистоту. Михаилу было едва за сорок, Деду уже за семьдесят, и говорили они на «ты», потому что так общаются члены команды. Михаил ради Деда почти десять лет разбивался в лепешку, заставил строптивый Нанотех поверить, что он не мальчик на побегушках, а самостоятельная величина, и сам в Нанотех поверил крепко, полюбил институт. Он здесь был свой в доску, крутился ради фирмы как белка в колесе – все это знали. Ему прощали даже манеру обзывать микроботов «нанороботами». Любого другого запредизнакали бы, не глядя на высокий чин, но Михаил не по глупости начал оговариваться. Его красивое лицо было «лицом фирмы», а на воротах фирмы красовалось золотое слово «Нанотех». Вот он и распинался про всякое «нано» – что в московских кабинетах, что в телевизоре. И по соцопросам, зритель верил Михаилу, считал его настоящим ученым новой формации. Умеет говорить с людьми, понятен и близок: деловитый, подтянутый, очевидно нормальный, без этой придурковатости, которая раньше считалась чуть ли не визитной карточкой уважающего себя доктора наук...

Как раз с наукой-то у него вышло худо – и тоже не по своей вине (во всяком случае, Михаил так считал), ради Нанотека. Повседневная жизнь фирмы была в его руках, и стоило этим рукам ненадолго опуститься, пришлось бы Деду спускаться со своих горних высей и разгребать текучку. А директору осталось работать в полную силу недолго, это все понимали, значит, надо создать условия, чтобы он спокойно творил. Дед столько здоровья ухлопал на организационные вопросы – довольно с него, хватит загружать мелочами самую светлую голову института. Пусть делает то, что умеет лучше всего: заражает коллектив идеями, придумывает и экспериментирует. Пусть дает результат...

Сейчас Михаил смотрел на Деда и гнал от себя одну мысль: неужели я в нем ошибся? Этот могучий седой дядька, с которым и сейчас боязно подраться, у меня на глазах состарился – а я не заметил? Я всех убеждал, что Дед еще сила, боец старой закалки – и сам уверовал. А он же старик. Конечно, его сильно ударили, тут и молодой сломается, когда дело всей жизни летит к черту, но это же Дед!.. Это он учил меня, что в науке не место тем, кто легко сдается. Это его слова, что не будь инженеры такими упертыми, мы бы по сей день на телегах ездили. Наука не знает безвыходных положений, в любом тупике главное как следует осмотреться, и найдешь путь. Это вся его биография: поиск выходов из очередного тупика. «Давайте мыслить системно», – призывал Дед, и всегда в конечном счете выкручивался. Но сейчас, когда надо идти до конца, держаться за свою идею... А он просто уже не тот, и я не заметил, вот беда. А я так в него верил, как в себя.

Михаил смотрел на Деда и гнал от себя мысль, что глядит в глаза предателя. Человека, предавшего самое главное – команду, людей, веривших ему беззаветно.

То есть, Михаила.

– Я не успел, – повторил Дед. – Моя проблема. Понял бы заранее, что все кончится запретом репликаторов, не стал бы и вкладываться в эту идею. Забыл бы про универсала, сэкономил время и силы. Не расстраивайся, Миша. Ну, шелкнули нас по носу, больно шелкнули, что теперь делать. Большая политика, она всегда одним кончается: за-пре-тить. А я повел себя как идеалист.

– Не один ты. Мы все. И ты сейчас напрасно решаешь за всех.

Дед грузно облокотился на стол и подвинулся к Михаилу, будто нависая над ним, хоть и издали. В этом движении не было угрозы – привычный жест силы и власти. Дед умел вот так нависать. И всегда ему поддавались.

И вдруг словно обожгло затылок: этот сейчас не поддастся. Даже не сделает вид. Впервые.

То ли постарел я, подумал Дед, то ли проиграл.

Все сыпалось, все рушилось на глазах, главное дело жизни провалилось, в больнице умирал внук, и куда двигаться, непонятно. И имеет ли смысл вообще двигаться? Защемило сердце.

Ох, не злите меня, подумал Дед. А то ведь я такое отмочу, не наплачетесь. У меня же с возрастом испортился характер, я стал хмурым и недобрым стариком, вы сами об этом по углам шепчетесь.

– И что ты предлагаешь? – через силу произнес он.

– Не руби сплеча, – сказал Михаил. – Ты сейчас закроешь пятую серию. Но наверху не знают, какие результаты она показала. Ты ничего не доложил. Почему?

– Потому что нет результатов, – Дед пожал плечами. – Кто-то тебе наболтал ерунды. Ты бы прямо меня спросил. Пятая в разработке. А как известно, дуракам пол-работы не показывают.

– Дай мне образцы. Дай коды для управления. Я сейчас же поеду в Москву.

– Какие образцы, Миша? Проснись. Нет образцов.

– У меня есть выход... – продолжал Михаил, будто не замечая недоумения Деда. – Очень высоко. На очень неглупых людей. Не-глу-пых, понимаешь?

– А смысл? Ты сам знаешь, кто просил за нас, и кого просил. Я нажал на все педали.

– Правильно, ты зашел в лоб. Я могу зайти сбоку.

– И что?

Он же ничего не знает, с тоской подумал Дед, ни-че-го. Дурачок привычно надеялся на меня – и вдруг как об стенку носом. Он страдал, он терпел, притворялся верным товарищем, и думает, я сейчас ему за все мучения отплачу. Из кармана достану пробирку с ботами, которые удержат Нанотех на пути к сияющим вершинам. Ну естественно, может, у меня и испортился характер, но работать я не разучился, это тоже все знают... Идиоты. Бедный Мишка так хотел на моем горбу въехать в рай, занять кресло директора фирмы с мировым влиянием, а тут – опаньки! – достанется ему обычный полугосударственный институт, каких много. Не тот масштаб. Не на ту лошадь ты поставил, Миша. И ведь все твое расстройство только от желания успеха и власти. Почуял, что приставка «нано» звучит словно «золото», полез в эту сферу и не угадал, как больно тут судьба колотит. А мог бы стать неплохим айтишником... Ты ведь прирожденный системный интегратор, ну и думай системно, не сходи с ума. Не заставляй краснеть за тебя сейчас, когда и так поводов не то, что краснеть, синеть и зеленеть хватает.

– Я покажу им. Я объясню, какой прорыв наша пятая серия, и они поймут.

– Ишь ты. Наша пятая серия... – Дед криво ухмыльнулся. – Слушай, давай прямо. Ты давно уже не столько ученый, сколько менеджер. Это хорошо для института, но... Тебя в лабах месяцами не видят, ты забыл, с какого конца в микроскоп глядят! Ну что ты знаешь о пятой?!

– Это бот-универсал. Он может всё! – выпалил Михаил.

– О, господи... Друг мой... – Дед устало отвалился на спинку кресла. – Как бы так сказать, чтобы ты понял раз и навсегда...

Он замолчал, глядя в потолок.

– Ты скрывал от меня детали, ты всегда так делал, когда речь шла о твоих личных проектах, – Михаил немного сбавил тон. – И я уважал это. Ученые все суеверны в какой-то степени. Я сам предпочитаю не болтать лишний раз... Но принципиальную схему мы обсуждали. Это прорыв, это чудо! Ты гений! И пускай меня редко видят в лабах, зато ты – ты! – можешь работать. Да у меня вообще другие задачи! Но я все отслеживаю и примерно знаю, как ты продвинулся. И совершенно не понимаю, отчего ты вдруг готов слить пятую серию. Единственный в мире бот-универсал! Подумаешь, запретили! Запретили – потому что думали, будто таких еще нет! А у нас они есть! И если кое-кто увидит готовые образцы, все изменится. Поверь.

– Брось свою рекламу, пятая серия никакое не чудо, просто медицинский бот общего назначения, – скучно процедил Дед. – Ну, довольно хитрая машина, сложная. Тяжелая, креп-

кая, неприлично дорогая. Поэтому репликатор. Теоретически. А значит, теперь под запретом. Практически. А еще он очень глупо выглядит на картинках. Стрекоза стрекозой. Да тебя засмеют.

– Сам сказал: я менеджер. Я умею говорить на их языке. Тебя они задвинули, а меня послушают. У нас есть уникальный наноробот. Да, к сожалению, он окупится только если будет самосборщиком, репликатором. Но зато это робот, который реально поднимет Россию с колен! Разве нет?

– У-у... Наноробот... Поднимет Россию... Ты действительно научился говорить на их языке. Брось, Миша.

Провоцируй его, сказал Дед себе, дожимай. Противно, а надо. Пусть вскроется. Даже интересно, какой такой камень у него за пазухой.

– Пустое это. Тема свернута.

– Нет! Не свернута! Конечно, эту тему засекретят к чертовой матери, но какая разница? – Михаил заглянул Деду в глаза, будто заговорщик. – Зато ты сможешь работать дальше.

Ну вот все и сказано, подумал Дед. Раскрылся ты, парень. Очень вовремя, надоел мне этот разговор.

Даже если твоя авантюра удастся, ты ведь сам понимаешь, что создавать медицинского универсала втайне от всей планеты – бессмысленно. Как его применять-то? Работать на перспективу? Ее не будет. Запрет на репликаторов – навечно. Мне на пальцах объяснили, как репликаторы обрушат мироустройство, и чем все это кончится. У меня вырвалось одно слово: «идиоты». Идиоты развели руками и мило улыбнулись. Они не доверяют «простым людям» в принципе, а больше всего их пугает собственный народ. Они уже пуп надорвали, превращая русских в жвачных.

А вот ты не идиот, Миша, нет. И не травоядный.

Ты просто болван и каннибал. И только что признался в этом открытым текстом.

– Ага, – лениво бросил Дед. – Тему засекретят вместе со мной. И ты автоматически станешь директором Нанотеха. Спасибо за откровенность, Михаил Борисович, это что-то новенькое, ты обычно втихую все... Давай так. Сядешь в мое кресло – будешь принимать решения. А сейчас прошу меня извинить...

Михаил резко встал из-за стола. И вдруг куда-то пропал чуть наивный, не самый умный, простодушный карьерист. На Деда холодно глянула та акула, которую тот по достоинству ценил и умело использовал. Вполне самостоятельная хищница теперь.

– Ты так убиваешься на работе, – процедила акула, – что я сяду в твое кресло очень скоро. Последил бы за здоровьем. Взял бы отпуск, что ли.

– Спасибо, дружище, ценю твою заботу, – равнодушно отозвался Дед, поднимая трубку телефона.

Михаил быстрым шагом покинул кабинет. Демонстративно хлопнул дверью. Дед покачал головой и нажал на телефоне несколько кнопок.

– Семенов? Это директор. Приказываю. По пятой опытной серии всю документацию и программное обеспечение немедленно уничтожить. Уничтожить необратимо. Повторяю: необратимо. За приказом по лаборатории зайдете ко мне, а сейчас... Выполняйте.

Глава 7

На стеллаже в личной лаборатории Деда стояла модель, самоделка из пластика, крашеная серебрянкой. То ли вертолет, то ли стрекоза, то ли вообще рыба с пропеллером, не разбери-поймешь. Стеллаж едва заметно подрагивал: рядом с ним давился бумагой шредер. Хмурый техник, крепкий мужчина средних лет, бродил медвежьей походкой от стола к столу, присматривая за тем, как лаборатория отдает концы. Все компьютеры были запущены на форматирование, и сейчас, еле слышно похрустывая, распыляли на кластеры бесценную инфу. Время от времени техник запихивал в шредер очередную папку. Действовал он настолько методично и механически, с таким непроницаемым лицом, словно находил в своей работе утонченное садистское удовольствие.

В дальнем углу лаборатории сидел, крепко вжавшись в угол вместе со стулом, программист – щуплый человечек почти карикатурной внешности: толстые очки на выдающемся носу и ранняя лысина, обрамленная венчиком кудрявых волос. Он будто прятался – заполз в укромное место и притих там.

Герметичная дверь в «чистую камеру», где стоял дорогуший модульный «наноконкомплекс» – слишком тонкий инструмент чтобы подковать блоху, зато способный выжечь лазером неприличное слово на хвосте сперматозоида, – была распахнута настежь. Управляющий компьютер комплекса, единственный тут не отформатированный, а просто выпотрошенный, уныло рисовал на мониторе запрос: какие будут ваши указания?

Больше никаких.

Программист, видимо, собрался с духом – встал, нервно огляделся, снял очки, протер их полкой халата, водрузил обратно на нос, короткими шажками просеменил к технику и сказал:

– Не могу. Я тут больше не нужен. Домой пойду. Звони, если что. Скажи Деду... А-а, что говорить. Скажи, Гуревич домой ушел.

Техник молча кивнул.

Программист хлопнул техника по плечу, для чего ему пришлось высоко поднять руку. Бросил взгляд на стеллаж с моделью вертолета, помотал головой, будто отгоняя наваждение, и резко выдохнул, как поступают дилетанты, прыгая в холодную воду.

Он решительно протянул руку к модели.

– Зачем? – остановил его техник.

У техника оказался глухой спокойный голос, такой же сумрачный, как его внешность. Медведь медведем.

– Ты... Ты не понимаешь? – программист от волнения дал петуха.

– Не нужно, – осадил его техник.

– Но...

– Гош, иди домой, – посоветовал техник неожиданно отеческим тоном. – Утро вечера мудренее.

Что расслышал в этой поговорке Гуревич, неясно. Но он просветлел лицом и быстро юркнул за дверь.

Когда аппаратура дожевала информацию, техник взял с полки модель вертолета. Ласково пристроил ее, как младенца, на сгиб локтя и вышел, не забыв погасить за собой свет.

Лаборатория погрузилась в серый полумрак.

Техник прошел длинным коридором, свернул было к лифтам, но передумал и по лестнице поднялся на два этажа. Здесь размещалась дирекция.

Навстречу торопился Михаил. Техник отвесил короткий поклон, Михаил небрежно кивнул. Они уже почти разошлись, когда Михаил остановился.

– Техник-лаборант Семенов, я не ошибся?

– Он самый.

– Позвольте взглянуть.

Техник протянул модель вертолета, но остановил руку на полпути. Отдавать эту вещь он явно не собирался.

– Это что?

– Так, игрушка. Сделал в нерабочее время.

Техник выдержал секундную паузу и добавил с едва заметным вызовом:

– Выпек на служебном фабере из казенного материала.

Прозвучало это будто «ну-ка, отними».

– Ну чего вы паясничаете, честное слово. – Михаил понимающе улыбнулся. – Как будто вас кто-то упрекает. Милая вещица. Такой... Дружелюбный дизайн. Похоже, это модель нашего репликатора.

– Ну, похоже, – согласился техник.

Михаил пристально разглядывал вертолет. Поднял глаза на техника.

– Рабочие документы на пятую серию... – начал он.

– Приказ выполнен. Диски отформатированы. Бумага в труху, – отдельно доложил техник. Подумал мгновение и добавил: – Безвозвратно.

– Похвальная оперативность... – Михаил закусил губу. Техник ждал.

– Слушайте, эта игрушка... Сделайте милость, подарите ее мне.

– Не могу, – отрезал техник. – Это для ребенка.

– Она нужна мне. Сейчас.

– Ему тоже, – веско ответил техник.

– Семенов, вас первый заместитель директора просит.

Техник зыркнул на Михаила недобрыми медвежьими глазками и процедил:

– У директора внук. В больнице месяц. Острая лейкемия. Не знали?

Михаил под этим взглядом даже отступил на шаг.

– Конечно знал! Я не думал что для него...

– Семь лет парню. И не жилец. Пусть вот порадует. Если в сознании будет.

– Да-да. Идите, Семенов. Идите скорее.

Техник зашагал в глубь дирекции, Михаил проводил его взглядом, потом медленно поднял руку и провел ей по лицу, будто пытаясь что-то стряхнуть.

* * *

Директор Нанотеха (пока еще директор, подумал он с саркастической усмешкой), член-корреспондент Академии Наук, лауреат международных премий, и прочая, и прочая, Алексей Андреевич Деденёв попросил ни с кем не соединять, подвинул к себе ноутбук, положил руки на клавиши... И убрал их.

Он заработал свое прозвище, когда ему стукнуло едва пятьдесят, из-за громкого обвинения, что якобы развел в институте дедовщину. Институт считался без малого градообразующим предприятием, Дед был, пожалуй, самой популярной в округе публичной фигурой, и вместе с местным начальством мог решать любые вопросы. Как они спелись при советской власти, так все и осталось потом: в городе всегда ощущалось, что тут есть хозяева. В беспредельные девяностые годы здесь даже бандитов серьезных не народилось: самому умному намекнули, чтоб не дурил, остальных он прибрал к рукам или выдавил, а со временем из него получился очень даже симпатичный и адекватный мини-олигарх. А чего? В Москве есть, пусть и у нас свой будет... Бывшие коммунисты и комсомольцы отрастили бюргерские животики, но бразды правления держали крепко, бюджеты «пилили» аккуратно, и город жил спокойно. Что-то становилось получше, что-то похуже, потом наоборот... Единственное, с чем было вовсе отворачи-

тельно – дороги ремонтировать так и не научились. Латать умели, чинить – никак. Приличный асфальт был только в окрестностях института. Его грамотно положили с самого начала, когда возили тяжести на стройку, а дальше Дед уже следил, не позволял запускать.

Нет, благодатно-возвышенной атмосферы какого-нибудь академгородка здесь отродясь не было. Даже от постройки института и приезда толпы «интеллигентов» местный климат не переменялся. Город был старый, непростой, со своей историей. Некогда знатный купеческий центр – одних церквей тридцать штук, – он пришел в упадок после революции, но особую ауру сохранил. Тут жили основательно и не суетясь, понимая себе цену, но шибко не умничая. Считали естественным, что из города есть прямой поезд в Москву. На этом поезде и уехал молодой Деденёв, чересчур энергичный, слишком амбициозный, чтобы заикнуться в родном захолустье. Деду это запомнили – когда он стал мировой величиной, им гордились, но с присказкой: ох, зазнался, нас позабыл. Когда Дед вернулся, чтобы строить институт, все очень обрадовались, и тут же начался шепоток: вот был ученым, а стал администратором.

Ошиблись. Дед пришел сюда надолго, планы он вынашивал именно научные, а чтобы эффективно творить, ему нужен был твердый тыл, устойчивое положение, и лучше бы подальше от Москвы. Достичь этого можно было единственным путем: влюбить в себя сначала институт, потом городскую власть, потом весь город. В какой-то момент Дед думал, что вот-вот надорвется, но все-таки справился. Его хватало и на науку, и на руководство институтом, и на общественную работу. Но тянуть такую нагрузку и не схлопотать инфаркт он мог при одном условии: если его команды выполнялись четко, в срок и без туфты. Сказано – сделано. Не сделано – честно признаемся, где напортачили, что пошло наперекосяк. Дед давал своим людям очень большую свободу, но и спрашивал жестко.

Естественно, при таком блестящем и харизматичном начальнике подчиненные рано или поздно начинают копировать его манеры и много о себе думать. Особенно те, у кого есть реальные основания задирать нос. Институт не был никогда «почтовым ящиком», но «закрытых тем» тут хватало, люди занимались серьезными вещами, было, чем гордиться. И в космос летали здешние изделия, и вообще много техники, подчас не особо мирной, состоялось благодаря хитрым микромашинкам, тут придуманным, и собранным под микроскопами в опытных цехах.

Дед сманивал талантливых людей со всей страны – и обратно по всей стране разлетались соблазнительные байки об институтской вольнице. О том, как Дед умеет втоптать сотрудника в грязь – тем более. Очевидно добрейший человек, он иногда взрывался. Мудрые в этот момент делали шаг назад: задавит ведь ненароком, потом сам расстроится. Кто поглупее, тоже отскакивал, но в страхе. Вот испуганные и создавали Деду недобрую славу.

Что там, собственно, за донос с обвинением в дедовщине пошел по инстанциям, никто не помнил за давностью лет, но Деду чуть ли не первый раз в жизни крепко влетело от московского начальства, и именно тогда прилипла к нему эта кличка.

Дед усмехнулся и пошел дальше работать.

А потом на институт свалилась удача. Как оказалось впоследствии – наноудача, но кто ж тогда знал.

Период, который позже назовут «нанопсихозом», еще ждет своих исследователей. Лет через сто они наверное расскажут людям, зачем на самом деле создавался международный надзорный орган за нанотехнологиями, и какова была истинная подоплека жарких дебатов в ООН. Со стороны все это очень напоминало историю с «глобальным потеплением». Но только со стороны.

Людей запугивали страшными нанороботами – старательно, год за годом, день изо дня, – не потому что контроль над их разработкой принес бы барыши контролерам. Нанороботы пугали до нервной дрожи самих контролеров: они оказались слишком близко. Внезапно.

Наука всегда движется рывками. Долгий период осмысления задач, попросту говоря, попыток сообразить, куда двигаться; потом эксперименты, накопление опыта, и наконец – бац! Серия открытий, которая приведет к прорыву в технологиях. Обывателю кажется, что новые вещи упали с неба, а на самом деле это результат поиска, начавшегося двадцать, тридцать лет назад... Еще наука – безотходное производство, сколько в нее ни вбухивай денег, выигрыш будет. Только заранее не угадаешь, где. Программа «Аполло» была для Америки чистым разорением, ее потому и закрыли. А лет через двадцать посчитали, и оказалось, что косвенно США заработали по пять долларов на один вложенный в космическую гонку с Советами, имевшую вроде бы чисто политические, рекламные цели. Потому что материалы и технологии, выдуманные «для космоса» начали работать в быту.

Большая наука, она как Формула-1. Вроде дурное занятие носиться с выпученными глазами по замкнутому кругу, кто быстрее, – а ведь что для гонок ни выдумают, все это рано или поздно оказывается на серийных автомобилях и пользу свою приносит. Для обывателя – внезапно. А у инженера, глядишь, полжизни ушло.

Так было и с микроботами, для обывателя – «нанороботами». К ним долго шли, и вдруг они оказались рядом. Простейшие образцы, рассчитанные на одну задачу – при этом каждый в цену самолета, – уже действовали. По сравнению с «естественными микроботами», созданными природой, они выглядели бледно. Обычный сперматозоид, тоже вроде заточенный под один бросок головой вперед, на их фоне казался венцом творения. Но главное, первые опыты дали результат, от которого можно было оттолкнуться и пойти очень далеко. И очень быстро.

С нанороботами – реальными, а не рекламными, – напротив, не получалось ничего. Чем ближе к ним подходила наука, тем больше они выглядели несбыточной мечтой. На наноуровне действовали свои законы, пока непреодолимые. В первую очередь, они не позволяли создать эффективную нанокопию привычного уже микромеханизма, с его микрошестеренками, микро моторчиками, микро манипуляторами: когда все «как у взрослых», только малюсенькое. В измерении «нано» это не работало. Там вообще все было «не так». Там все слипалось, тормозилось и не поддавалось управлению. Задачей огромной сложности виделась даже такая простая вещь, как заставить наноробота двигаться в заданном направлении – хотя бы сквозь воздух! Крошечную рукотворную песчинку сбивал бы с курса удар шальной молекулы в борт. И вы еще надеетесь, что она вам атомы будет складывать как кубики? Очень смешно.

Наноробот, созданный в ходе мысленного эксперимента, выглядел могущественным и даже опасным. Увы, таким был исключительно «сферический бот в вакууме». Когда дошло до реального моделирования, выяснилось, что типичный наноробот это бестолковая штуковина, которая еле дышит, еле ползает, ни черта не соображает и болтается в любой мало-мальски плотной среде как навоз в проруби...

Ну да и черт с ней пока, с этой поатомной сборкой. Зато на микроуровне перспективы выглядели обнадеживающе. На горизонте уже маячил образ полноценного бота-ассемблера – микромашины, способной из готового сырья забалачить чего хочешь. Долой заводы! Прощайте, конвейеры! Хватит крутить руками гайки!.. Такой бот мог появиться уже при нашей жизни, и сам сделать второго. При благоприятных условиях через месяц ботов стало бы столько, что хватит на всех.

Это выглядело чересчур смело и опасно для неустойчивого мира, раздираемого противоречиями. Легко было понять, что массированное внедрение микросборщиков буквально перетряхнет, вывернет наизнанку жизненный уклад планеты. И никто не мог сказать, чем все кончится.

Их еще придумать не успели толком, не то, что сконструировать, но разговоров о «ботах-репликаторах», способных воспроизводиться, пошло столько, будто они уже вот-вот.

И тогда – ой.

А поскольку все говорили о «нанороботах», и никто не слушал ученых, то сценарии рисовались один безумнее другого.

Человек креативен, говорили оптимисты. Если освободить его от повседневного труда ради борьбы за жизнь, он такого напридумывает, что мы всю Вселенную на уши поставим.

Человек ленив, говорили пессимисты. Креативных – процентов десять. А остальные, едва пропадет нужда вкалывать, примутся жрать наркотики и деградировать. Или устроят войну за наркотики, потому что на большее у них мозгов не хватит.

И те, и другие были по-своему правы, но пока они драли глотки по телевизору, проблему, как обычно, решили без оглядки на них.

И подоплека решения была проще некуда. Чего там судьба человечества, кому это интересно. Важнее другое. Если первый успешный бот-репликатор стоит даже миллиард, то второй – вдвое меньше, и прогрессию можете представить сами. Рост популяции легко контролируется, а значит, и стоимость продукта можно регулировать, но рано или поздно люди узнают, что цены держатся искусственно. А на самом деле пара миллионов ботов стоит копейку.

Тогда люди выйдут на улицы и потребуют устроить им коммунизм.

Выдать каждому ящик ботов, из которых человек вырастит что захочет – машину, компьютер, посудомойку, микроволновку... Дом.

И тогда на планете останется один ресурс, который чего-то стоит – энергия. Но если боты смогут запитываться от солнца – а почему бы им не смочь, – то и энергию никому не продашь.

Земной социум в привычном виде прекратит существование, потребуются какие-то новые формы. А поскольку задача государств и правительств в первую очередь не допускать перемен, «обеспечивать стабильность», возникло единодушное решение: обеспечить стабильность в полный рост любыми средствами вплоть до полицейских. Для начала все запретить, а там посмотрим.

Строго говоря, положение виделось опасным и безо всяких утопических нанотехнологий. Микробы-сборщики, зависимые от энергии и сырья, все равно опрокидывали глобальную экономику ничуть не хуже мифических нанороботов, способных штамповать гамбургеры из воздуха.

И с вероятностью пятьдесят на пятьдесят наступал армагеддец.

А Дед как раз подступил вплотную к своему идеальному медицинскому боту с репликаторной функцией. Он его уже видел во всех подробностях. Наконец-то Нанотех был готов оправдать себя, стоял в одном шаге от решения задачи, ради которой и был создан.

И тут пошли нехорошие слухи. А потом и нехорошие звонки.

Это было время, когда Дед бился головой о стену в бессильной злобе.

Ну, не совсем о стену – Виктор застал его, когда тот стучал лбом в книжный шкаф.

«Ты чего?..» – осторожно спросил Виктор.

«Хочу разбить кому-нибудь морду, – хмуро отозвался Дед. – Никак не могу решить, кому лучше. Вот и стою тут, как помесь барана с буридановым ослом!»

«Из Москвы звонили?» – догадался Виктор.

«Говорят, это не дело ученых. Не наша компетенция. Политический вопрос. Все будет решаться на уровне глав государств. Доктор! Это лечится?»

«Если политический вопрос – только нейрорепликациями».

Виктор прислонился к дверному косяку, он вдруг почувствовал себя, как воздушный шарик, налетевший на ежа. Его сейчас держало только понимание, что Деду еще труднее, привычный рефлекс врача. А то бы сам побился головой о твердый предмет.

«Они напуганы и пытаются закрыться».

«Я задумал всего лишь медицинского бота. Сам Президент Академии Наук лично просил, умолял пробить исключение в протоколе, а они даже не попытались».

«Для них любой репликатор – угроза, как ты не понимаешь. Сам принцип. Они готовы нас всех уморить, лишь бы не дать свободы».

«Вот именно, – Дед кивнул. – За что боролись... Тьфу! Работать не могу, в голове одна подлая мыслишка крутится: как бы вопрос решился в Советском Союзе».

«Жесткий контроль, – отозвался Виктор, не раздумывая. – Репликационная функция допускается только в стенах Нанотеха, чисто ради производства, а людям вкалывать ботов с обрезанной задачей. Сколько проживут в организме, столько проживут... А это не выход. Ну, диагностика, и что-то быстро подлатать, это тоже неплохо, но ничего серьезного такие микробы сделать просто не успеют. У нас отдельные боты третьей серии живут месяц. Но связность роя нарушается раньше. Мало, очень мало. Чтобы действительно вылечить человека, нужен большой рой с гарантией на три месяца. Пятая серия могла бы?..»

«Запросто. Пятая и год могла бы... Ей нужен таймер в прошивке, чтобы принудительно усыпить рой, а то будет жить и жить. Но ее цена!.. Рой стоит больше, чем успешная предвыборная кампания Президента! Кому он нужен, самый раскрепостный бот, за такие деньги?!»

«В общем, при советском подходе к вопросу мы тоже пролетели бы, – заключил Виктор. – Да и при каком угодно, хоть при фашистах. Для любой власти опасны репликаторы. Замахнулся ты на весь миропорядок, сам того не желая, вот и огреб... Выход есть?»

«Поеду, буду убеждать лично, какой еще выход».

Дед уехал в Москву на завтра, пропадал неделю, вернулся измученный и злой, сказал: будем ждать, я нажал на все педали, наши в Академии сами не дураки, всю суетятся, авось чего получится. Бросил Нанотех на Михаила, а сам дневал и ночевал в своей «личной» лаборатории, с головой погрузившись в работу над пятой серией. Привычное дело: пока начальство раздумывает, мы спешим получить результат, а там, глядишь, повезет, и работа сама себя покажет в лучшем виде.

Это подвешенное состояние затянулось еще на год. Дед спешил как мог.

Не успел.

* * *

Семенов вошел к директору без стука.

– Ваш приказ выполнен. Документы по пятой серии уничтожены. Безвозвратно.

– Хорошо. Бумага ждет у секретаря, распишетесь. А это что?

– Да вот. Это для Лешки. У Гуревича вовремя отнял.

Техник поставил модель вертолета на стол и пробубнил:

– Все, что осталось от пятой серии. Пусть ребенку. Достанется. Вдруг ему... Полегчает.

Двое уставились друг другу прямо в глаза.

Из незаметного отверстия, будто проколотого в обоях иголкой, за ними подсматривала камера. Мутноватая черно-белая картинка утекала неведомо куда. Ремонт в кабинете делали несколько лет назад, но кто знает, вдруг камера стояла здесь всегда. И кто ее спрятал, и догадывался ли о ней Дед, и не было ли Деду абсолютно наплевать на это, и вообще приходило ли ему в голову, что за ним могут следить... Кто знает.

– Спасибо, – произнес Дед медленно. – Такой подарок... Уникальный.

– Своими руками. От всей души.

– Спасибо, – повторил Дед.

Глава 8

Наступил вечер, но не было перемен ни в больничной палате, ни за ее стеклянной стеной. Внутри, опутанный катетерами и проводами, лежал на койке мальчик. Снаружи неподвижно стоял его отец. Это было глупо и бессмысленно, но Виктор ничего не мог с собой поделать. Отвез жену домой, дал ей успокоительное, подождал, пока она забудется – не называть же это сном, – посидел рядом, потом буркнул «Побуду там, мало ли, что...», и обратно, к палате.

Когда в коридоре появился Дед, Виктор удивленно вскинул брови. Он был рад ему, но первым делом подумал, что лучше бы Деду тоже прилечь и как следует выспаться. Выглядел старик откровенно худо. Именно стариком он казался сегодня, а не крепким властным дядькой неопределенно пожилого возраста.

В руке у Деда была модель вертолета.

– Иди сюда. Есть идея.

Виктор послушно шагнул вслед за тестем к подоконнику, он привык, что Дед просто так не командует, ни в институте, ни в семье. Если забыл про «пожалуйста», значит, есть серьезное дело, которое надо сделать быстро, и не пожалеешь. В этом смысле Дед ни разу Виктора не разочаровал. «Спасибо» сказать он уж точно не забывал. Потом.

Дед уселся на подоконник, вертолет поставил рядом. Виктор пригляделся к модели, поднял глаза и вопросительно двинул подбородком: ну?

– Когда-то, давным-давно, Семенов увидел мой первый набросок и сделал вот эту модель, – сказал Дед. – Она была талисманом нашей лаборатории. Нам не помогла, а вдруг Лёшку выручит. Давай, берись. Вот так. Она с секретом, ее в две руки не откроешь. Раз-два-три!

На брюхе вертолета прятались незаметные створки, они раскрыли их, потянув в три стороны. Такие секретки зовут «шкатулкой Пандоры», вспомнил Виктор. Дед вытряхнул из модели ампулу, наполовину заполненную серебристой жидкостью, и крошечный прибор наподобие мобильного телефона.

– Та-ак... – протянул Виктор. – Тащи с завода каждый гвоздь, ведь ты хозяин, а не гость. Дед взял ампулу в одну руку, «телефон» в другую.

– Угадал, – сказал он. – Это пятая серия. Все, что от нее осталось. А это кодер для нее. Единственный.

– То есть... Больше нет? – тупо пробормотал Виктор, холодея.

Он вдруг почувствовал, как дрожат колени. Нет, это не страх. Адреналин. Тело готовится к реакции типа «бей и беги». Весь его опыт врача противился тому, что он рассчитывал услышать. Опыт сотрудника Нанотеха противился вдвойне. Но отец безнадёжного больного яростно желал чуда. Сейчас эти трое боролись, и отец в одиночку давил врача с ученым как котят.

Если Дед принес свою экспериментальную фигию... Почему нет? Сейчас все средства хороши. Только... Это же микробы. А что за микробы у Деда? Ой-ёй-ёй.

А Дед прищурился, хитро и недобро – и усталый старик исчез, появился жесткий волевой мужчина, гораздо сильнее Виктора, сильнее всех. Беспощадный, опасный и... Безрассудный.

– Мишка, гад, во власть рвется, – сказал Дед просто. – Решил, если мы сделали друзей человека, то они в первую очередь его друзья. А управлять ими слишком легко. Ему только дай такую силу в руки. Он сначала меня слопаёт, потом институт, потом наш город, а дальше на всю Россию замахнется...

Виктор потер ладонями виски. Медицинские боты-универсалы – вот они, только руку протяни. Несколько миллионов умелых микроврачей. Невероятно. Кто мог подумать, что Дед успел собрать опытную партию. Чем он занят, тайной не было: весь Нанотех знал, какую

сумасшедшую тему лично «ведет» директор. Многие успели к ней прикоснуться, и не по одному разу. «Экспериментальная клиника», где служил Виктор, занималась в основном третьей серией, но для пятой составляла техзадание на универсальный медбот. А тем временем еще кто-то прописывал алгоритмы, обсчитывал энергетику, продумывал «механическую часть», прикидывал счетно-решающие возможности – ведь если один бот это просто бот, то рой микробов это уже компьютер, – и кто-то набрасывал черновые варианты софта... Сотни людей были так или иначе завязаны на лабу, где присох к монитору рано облысевший на умственной работе программист Гуревич, а в «чистой камере» священнодействовал рукастый молчун Семенов, знаменитый тем, что однажды на спор подковал блоху, причем без наркоза.

А потом все заглохло: по обрывкам разговоров и намекам создавалось впечатление, что идет тема очень туго. Нормальное дело – прорывная технология, поиск на грани неведомого, там быстро ничего не бывает. Считалось, что до первого рабочего прототипа в лучшем случае лет пять. Дед поэтому головой о шкаф бился год назад: времени ему не оставили.

А теперь вот оно. В единственном экземпляре, один минимально рабочий рой. Черт знает, как прошитый. Толком не тестированный, напомнил себе Виктор, уж я бы знал, это ведь моя задача. Не имеет аналогов, не имеет цены... Не имеет будущего. Запрещен международной конвенцией. Технология, объявленная опасной для человечества. И Мишка, значит, протянул к ней лапу, а Дед не отдал. Узнаю Деда.

Ох, страшно-то как...

– Репликаторы. Ты все-таки сделал это. Успел.

– Они сами успели. Мы собрали четверых, а вчетвером они уже могут собрать еще одного – и пошло-поехало.

Виктор едва заметно помотал головой: ну, фантастика.

– Ты их никогда не видел, – сказал Дед сурово. – Их вообще не бывает. И плевать, что они репликаторы, для нас главное, что это врачи. Лейкоциты их не замечают, мешать не будут, проверено.

Виктор молча кивнул и снова посмотрел на модель вертолета.

– Я помню эту штуку на картинке, твои ранние эскизы... Они правда вот такие? С ума сойти. Летают?

– Скорее прыгают и зависают. Сам не верю. Там столько узлов могло сбоить, я думал, мне жизни не хватит их отладить. А сбоев нет, представляешь? Они работают, они обучаются, эти... Вертолетики. И чем их больше, тем они умнее.

– Тут их, сдается, достаточно, – Виктор на глазок прикинул объем ампулы – кубов десять.

– Это усиленная партия, – сухо сказал Дед. – С полной прошивкой. Вбухали туда весь набор команд. В серию шла бы облегченная версия софта, под минимальный рой. А здесь... Этой рой в три раза больше. Иначе не удержал бы полную прошивку. На, забирай... Помнишь, сказал когда-то, что не доживу? А вот дожил. Наверное... – Дед замялся. – Наверное, мы хорошо их придумали, мы все. И ты участвовал, там есть идейки, которые ты сам прописывал. Ну, бери. Не для тебя принес, для Лешки.

И неожиданно хихикнул.

– У Гуревича отняли игрушку. Он прямо горел желанием спасти наших вертолетиков для будущих поколений. А что, загрузил бы в себя, а там поди отыщи их, если они даже в отчетах нигде не упомянуты. Кто докажет, что опытная партия вообще была? Только я думаю – жирно будет Гуревичу. Их для дела создавали – вот и пусть работают.

– С ума сойти, – повторил Виктор. – Ты их хотя бы на мышах испытывал?

– Когда?! И откуда у меня мыши?! Только на синтетике погонял. Результаты хорошие.

Виктор сокрушенно покачал головой, но его руки сами забрали у Деда ампулу и кодер.

– Я тебе говорю: хорошие, – повторил Дед. – Мы построили модель лейкозной крови и костного мозга. И в принципе все получилось. Гарантий дать не могу, конечно, но в лабораторных условиях вертолетики нашли и разобрали все бласты. Все до единого.

Виктор глядел в пол. Он не мог не верить Деду... А все равно не верил. Боты сами уничтожают «взбесившиеся» клетки крови? Ну-ну.

– Если в реальной крови они смогут хотя бы это, – продолжал Дед, – Лешка уже получит выигрыш во времени. Бласты не годятся на строительный материал для новых ботов, ну разве отчасти, зато дадут им энергию. Как должен выглядеть здоровый костный мозг, боты знают. Так что в принципе, в принципе... Есть шансы. Только бы они успели размножиться, чтобы все поправить. Будем надеяться.

– Ну и как они тогда размножатся? – тупо пробормотал Виктор. – Если материала нет...

– А-а, наворуют, – небрежно ответил Дед, ухмыльнулся и вдруг на мгновение опять стал похож, как в старые добрые времена, на «завязавшего» пирата.

– Они шустрые ребята. Мало, что ли, в мальчишке иголок торчит? И главное, он накачан лекарствами под завязку, включая витамины с микроэлементами, а это ведь самое то!

– Ой, блин... – только и сказал Виктор.

– Им много не надо, – заверил Дед, понимая, что сболтнул лишнего.

– Хуже-то не будет, – пробормотал Виктор, убеждая себя. – Терять нам нечего. Все равно без пересадки костного мозга Лешка не выживет, а пересадку... Нет, не переживет.

– Ботов загонишь в вену, так быстрее. Потом с кодера дашь команду лечить. Боты отрабатывают программу, заснут и выведутся из организма. И никто не узнает. И большое спасибо израильской медицине. Гляди, тут меню как в обычной мобиле. Так и написано «лечить», видишь? Нажмешь, пройдет команда – и пусть нам повезет... А терять и правда больше нечего, – добавил Дед твердо. – Я уже все потерял. И хуже не будет.

Он почти ушел, оставив Виктора с ампулой, кодером и игрушкой, но вдруг обернулся:

– И вот еще что. Если вдруг... Когда-нибудь... Если кто докопается, что опытная партия была, да сплыла – вали на меня. Строго на меня. Никаких больше имен. Да, ты видел у меня эту ампулу. Что дальше, не знаешь. А я человек старый, пожил в свое удовольствие. И вроде бы я еще человек достаточно мудрый. Я всегда придумую, как отовратиться.

* * *

«Скорую помощь» то и дело встряхивало на ухабах. Виктор знал дорогу как свои пять пальцев и теперь дожидался относительно ровного участка. Еще несколько минут...

Дорогу звали «Смерть фашистским оккупантам», язвительно добавляя, что фашисты больше не приедут, и надо бы донести эту свежую мысль до районных властей. Дорожники то и дело проводили ямочный ремонт, но местные окрестили его «грибочным» – до ремонта машины прыгали по ямам, после него скакали по заплатам в асфальте.

Нет худа без добра, именно напирая на свежий грибочный ремонт, Виктор уговорил Лену поехать в другой машине: рядом с больным пусть сидит врач, а то мало ли, чего.

Мальчик на носилках спал – как будто спал. Раньше для Виктора не было большей радости, чем подойти к постели спящего Лешки и любоваться им. Сколько раз они стояли так с Леной, взявшись за руки, почти не дыша, и умиленно глядя на это чудо: надо же, ну и прелесть. Смысл дурацкой вроде бы фразы «Какие они хорошие, пока маленькие» понимаешь только когда сам растишь детеныша. «Маленькие детки – маленькие бедки» и все такое... Не повезло. Вот вам, нате, острый лимфобластный лейкоз. Костный мозг сошел с ума и гонит в кровь бласты – незрелые лейкоциты.

И ребенок у тебя на глазах сгорает. Как свечка.

Поначалу Виктор раз-другой ловил себя на мысли, что ему все это снится. Вдруг накрыло – и ты как в тумане. Ничего, думал он, это от шока, пройдет. Но болезнь развивалась так стремительно, а прогноз был настолько тяжелый, что «накрывать» стало регулярно. Жизнь превратилась в кошмар, и психика старалась от него закрыться. Прямо хоть к психиатру беги за таблетками.

А когда вчера в кошмар вломился Дед со своими микробами, которых нет на свете, Виктор заснул окончательно. Он принимал решения и действовал вроде бы вполне рассудочно – но только в логике сна. Не должен был опытный медик соглашаться на эту авантюру. Дед не давал клятвы Гиппократу, он вообще технарь, инженер, для него человек – структура. А для врача, хоть он двадцать раз эту структуру на части разобрал, человек все равно остается человеком. В человеке есть тайна. Есть пресловутая «божья искра». Любой детский реаниматолог скажет вам, что присутствие родителей у бокса, в котором «откачивается» младенец, повышает его шансы. Почему – непонятно, но вот факт.

И есть такие люди, которым судьба долго жить, а есть такие, по которым сразу видно, что вот он – на этом свете не задержится.

В маленьком Лешке воля к жизни чувствовалась очень сильная, но судьба ударила его подло, исподтишка, в уязвимое место. И сейчас человечку надо всеми силами помогать, а не загонять ему в кровь непроверенную фигню, которую якобы лейкоциты не видят.

Но логика кошмара подсказывала именно это: рискни!

Серебристая жидкость в шприце – на самом деле бригада умных микромашин, они не могут причинить вреда человеку, для другого они сделаны, с добром и верой. В конце концов, я сам причастен к их созданию. Я прекрасно знаю, как они должны работать. Помню их эволюцию от простого диагноста, пассивно плывущего в крови и вынюхивающего болезнь, до бота-доставщика, несущего на себе микродозу лекарства к пораженному участку – и дальше, выше, до бота-универсала, способного найти больную клетку и своими чуткими точными лапами разобрать ее, даже переделать.

Это, в общем, простая игра в кубики. Только звучит невероятно, а приглядеться если – конструктор «лего». Уж никак не сложнее того, что делают промышленные роботы. Вся проблема в масштабах. Вот он, масштаб, в кулаке у меня прячется, даже не видно. А там миллионы ботов.

А почему они выглядят как вертолетики – далеко не идеальный вариант для работы в крови и тканях, – этого лучше никому не знать. Об этом надо забыть прямо сейчас и навсегда.

Хватит того, что их запретили.

Сколько мучились с двигателем! Дед упорно держался за несущий винт, как у вертолета, и отвергал другие варианты, ни тянущий винт его не устраивал, ни жгутики сзади. Он глядел далеко в будущее: рано или поздно боты должны не плавать или ползать, а именно прыгать. Если наш полетит, значит, вот он вам, полноценный универсал-сборщик, готовенький, несбыточная мечта человечества, можно на пенсию с чистой совестью, и кстати, подайте сюда Нобелевку. Но вертолет крайне сложен, а в микробе одна лишняя деталь уже проблема, две – беда, три – трагедия. Вспомнили о ротативной схеме, при которой вертолет не закручивается реактивным моментом. Хватит двух насосов: один гонит «рабочее тело» в сопла на концах винта, чтобы машина ходила вверх-вниз; второй в сопло на брюхе, чтобы вперед-назад; а для ориентации служит хвост. По идее, такой микроб должен весело скакать в трех измерениях, хотя бы прыжками.

Слово «трагедия» было очень слабым, чтобы описать, как Дед настрадался с этой схемой. Пару раз он падал духом и собирался ее похоронить, но на полке в лабе стояла модель бота-вертолетька, такая симпатичная... Такая живая.

Сколько возились с манипуляторами, от которых поначалу требовалось всего-то хватать, держать, да по команде отпускать... Нет такого слова в русском языке, даже матерного. А когда

взялись учить микроба резать, чего он там схватил, тут все окончательно посыпалось. Казалось бы, только выдвижной скальпель добавили, туда-сюда, что может быть проще... Но реальный страх и ужас настал, когда выяснилось, что вертолетик должен быть репликатором, а значит, надо обучать его сверхточной сборке.

Прокляли все на свете.

И вот, пожалуйста.

Прототип универсального бота – в моей руке...

Машина наконец-то пошла ровно, едва заметно покачиваясь. Времени сомневаться и терзаться больше не было. Четким уверенным движением Виктор ввел иглу шприца в шланг капельницы, вплотную к руке мальчика, и начал потихоньку давить на поршень. Серебристая жидкость легко и, как показалось Виктору, целеустремленно, будто живая – а разве не живая она? – устремилась по назначению.

Осталось полдела. Виктор спрятал шприц и достал кодер. Включил его, вошел в меню. Тут все было просто, как в мобиле. Только пункты меню совсем не телефонные. Следующей после «лечить» стояла команда «симбиоз». Виктор горько улыбнулся: как все это глупо и бессмысленно теперь. Вдруг захотелось бросить медицину к чертовой матери. Без ножа, гады, зарезали. Как мы мечтали о ботах-симбионтах, живущих в организме постоянно. Домечтались. А ведь дай нам еще лет пять-десять нормально развиваться, и команда «симбиоз» могла бы стать рабочей... Он выбрал пункт «лечить».

Машину тряхнуло, Виктор свободной рукой схватился за поручень. Палец невольно дернулся, в меню высветилось: «симбиоз». Не глядя, Виктор ткнул кнопку с зеленой телефонной трубкой и положил кодер мальчику на грудь. Кодер тихонько засвистел. Не для ботов, для человека, чтобы тот знал: команда пошла.

Когда черная коробочка умолкла, Виктор отключил ее, спрятал в карман и устало откинулся спиной к стене.

– Ну, вот, – прошептал он. – Ох, Господи... Милосердный Господи, Иисусе Христе, тебе вручаю детей наших, которых ты даровал нам, исполнив наши моления. Прошу тебя, Господи, спаси их путями, которые ты сам знаешь...

Машину опять тряхнуло.

Виктор закрыл глаза и стиснул зубы.

Глава 9

Солнце заливало кладбище холодным светом. Виктор держал Лену под руку, чувствуя, как стянула лицо маска каменного безразличия к происходящему. Он устал, ему и правда было все равно.

Лена еще дома надела темные очки. Она уже не плакала, не могла больше, последние месяцы выжали ее досуха. Ей просто не хотелось случайно оскорбить кого-нибудь бездушным мертвым взглядом. Это было бы неприлично, сказала она, люди ведь переживают, сочувствуют.

Себе они сочувствуют, бросил Виктор. Все закончилось так, как и должно было. Люди примерили эту историю на себя – и испугались. Впрочем, очки надень, побереги глаза, сегодня яркое солнце.

Ты совсем потерянный, сказала она. Господи, как мы будем дальше?..

Я что-нибудь придумаю, сказал он.

Дедушка умер, сказал Лешка, дедушка умер.

Лена поджала губы. Виктор молча кивнул. Ничего не поделаешь, детям нужно «проговаривать» вслух такие вещи.

* * *

Михаил догнал Виктора у выхода с кладбища.

– Я понимаю, сейчас не время... О работе. Но надо продолжить то, что он начал. Это наш долг и перед ним, и перед страной.

Виктор потупился, пряча глаза, и невоспитанно сунул руки в карманы. Руки хотелось девать подальше. Так и подмывало сунуть кулаком в эту гладкую скорбную физиономию. Речь новоиспеченного директора Нанотеха над гробом его предшественника состояла наполовину из лозунгов, будто Михаил и тут, на кладбище, выступал перед телекамерами. Сбывался прогноз Деда: прямо на глазах человек превращался в политика. От него уже и слов-то человеческих, нормальных, не дождешься.

– Не спеши, подумай, – сказал Михаил, безуспешно ловя взгляд собеседника. – У тебя ведь талант исследователя. Нанотеху позарез нужны такие медики, как ты. Куда ты уходишь? Зачем? Я только собрался назначить тебя главврачом... Считай, это дело решенное. Останься.

– Спасибо... Нет.

– Почему?

– Понимаешь, я все-таки не ученый. Я просто врач. Хочу лечить людей.

– Так мы с тобой вылечим всю страну! – шепотом вскричал Михаил. – Даю слово. Я жизнь на это положу! Как он положил. Мы сделаем их здоровыми и счастливыми. Ты и я вместе.

Виктор только головой помотал.

– Почему?!

– Устал... – сказал Виктор. Наконец-то поднял глаза на Михаила и проговорил отчетливо: – От нанотехнологий.

Михаил проглотил издевку так, будто не заметил ее.

– Меня бросают все, на кого я мог опереться, – произнес он с великолепно поставленной горечью. Казалось, он сейчас пустит скупую мужскую слезу. – Сначала Дед, теперь ты. Это несправедливо... Мы вернемся к этому разговору.

Михаил быстрым шагом ушел вперед. Виктор смотрел ему в спину, чувствуя, как сползает с лица маска безразличия, а ее место занимает гримаса отвращения, и ничего не мог с собой поделать.

Еще несколько лет назад он бы поверил Михаилу. Энергичный умелый администратор, верная тень Деда, научную карьеру забросил ради института... Ну, позер, не без этого. Ну, «лицо фирмы», что поделаешь, работа такая, не каждый справится, кстати. Ну, задирает нос. Все равно наш человек.

Теперь – не наш совершенно.

Михаил догнал Лену и деликатно взял ее под руку.

– Слушай, я понимаю, сейчас не время, – сказал он прочувствованно. – Но... Мы обязаны продолжить дело твоего отца.

– Да, Миша, конечно. Он тебя очень ценил. Всегда говорил, какой ты... Собранный, деловитый.

Лена всхлипнула, Михаил протянул ей платок.

Лешка, которого мама крепко держала за руку, едва заметно поежился. Дядя Миша, всегда добрый и веселый, был сегодня какой-то не такой.

– Мне бы посмотреть его рабочие записи. Черновики, наброски, планы... Чем скорее, тем лучше.

Лена отняла платок от глаз, вернула очки на место и посмотрела на Михаила в легком недоумении.

– Но их нет.

– Э-э... Прости?

– Папа все делал на своем ноутбуке. Я точно не помню, но мне кажется, в последнее время он вообще не приносил его домой... Значит, оставлял на работе. Он наверное и сейчас там.

– Естественно. Как я сам не догадался. Слушай, Леша-то какой молодец!

– Да, прогноз хороший, – Лена так стиснула руку мальчика, что тот снова поежился. – Есть шанс, что мы совсем выздоровели.

– У меня никто болеть не будет, я обещаю, – твердо сказал Михаил. – Скоро.

* * *

В кабинете директора ничего не изменилось, только на стене теперь висел портрет Деда, а в его кресле сидел Михаил. Посреди кабинета, переминаясь с ноги на ногу, страдал начальник службы безопасности.

– Это маленький белый «Сони», – процедил сквозь зубы Михаил. – Тринадцать дюймов. Вынести машину из института мог только сам Деденёв, ноутбук вписан в его пропуск. Ну, и где он?

– За последнюю неделю отметок о выносе на проходной нет. Значит, ноут где-то здесь. Будем искать.

– Ищите, – сказал Михаил. – Берите сканеры и переройте все здание. Начните прямо с этого кабинета, а потом идите комната за комнатой, я разрешаю вам прозвонить все лаборатории, все «чистые камеры». Не забудьте цех опытного производства. Проверьте территорию... Если сами не найдете – будем допрашивать. Всех! Всех!!!

* * *

Техник-лаборант Семенов, казавшийся в строгом темном костюме еще большим медведем, чем обычно, поймал Виктора, когда тот уже садился в машину.

– Не сочти за оскорбление, – буркнул Семенов. – Я на поминки не приду. И так хватит с меня. Гошка Гуревич дома лежит, давление у него. Извинись там за нас обоих, ладно?

– Да я бы сам не пошел, – ляпнул Виктор. – Если бы мог.

– Ну вот, – Семенов кивнул. – Ты понимаешь. И это...

– Ну?

– Правильно уволился. Сейчас такое дерьмо начнется... Не надо тебе этого.

– А ты?

Семенов пожал плечами.

– Куда я денусь?

Повернулся и ушел, не прощаясь.

Машина у Семенова была старенькая, но крепкая. Когда траурный кортеж втянулся в город, Семенов незаметно отвалил в сторону, и тогда уж дал по газам. Лавируя между колдобин, понесся узкими улочками.

На душе было мутно. Сколько лет он просидел в институте, как приклеенный, выполняя очень непростые задачи, и все годы рядом с Дедом – от начала до конца. Семенов знал этого сложного человека как никто. И уж точно никто так не натерпелся от этого самодура. Хотя почему самодура, просто ученого, не привыкшего сдаваться, нацеленного на результат, и готового идти вперед, прошибая стены лбом. Временами Семенову хотелось его пристукнуть. Чисто от зависти: у Деда никогда не опускались руки. Кстати, руками он работал не хуже, чем головой. Говорил, плох тот экспериментатор, который забивает микроскопом гвозди, но куда хуже тот, кто не знает, как это делается без ущерба для микроскопа...

Машина выскочила на загородное шоссе, Семенов от души наступил на педаль газа.

В багажнике лежала сумка, а в ней – белый ноутбук.

Вытащить тринадцатидюймовую игрушку с территории и не попасться – чисто инженерная задача, решать ее было интересно. Охрана наверное уже сейчас переворачивает институт вверх дном – ничего, пускай суетится, у нее профессия такая. Завтра начнутся расспросы, а то и допросы.

Это тоже ничего.

Зато со дня на день приедет спецкомиссия Госдумы проверять, как Нанотех выполняет конвенцию о запрете репликаторов... А наш дорогой Михалборисыч потерял служебный ноут, записанный на главного разработчика пятой серии! И фиг знает, что там, в этом ноутбуке. И пока комиссия не уберется из института, новоиспеченный директор будет трястись, как затравленный заяц, и потеть, как мышь, застигнутая на месте преступления. Каждую секунду ему будет стыдно, обидно, а главное, очень и очень страшно.

Он эту пропавшую «соньку» на всю жизнь запомнит. Она ему будет являться по ночам в кошмарах.

И самое приятное – никогда он не узнает, что там, в этом ноутбуке.

Дед бы одобрил. У старика было хорошее чувство юмора.

Глава 10

восемь лет спустя

Полоски на винте «Апача» слились в один сплошной круг. Под вертолетом плескалось море зелени, из динамиков на бортах гремел «Полет валькирий».

Леха плавно взял рычаг на себя, поднимая машину чуть выше. Далеко впереди Принц вскинул руку: нормально, хватит.

– Так держать, – раздалось в наушнике.

– Понял, веду ровно, – отозвался Леха.

Есть два метода бросать «воздушку» с крыши на крышу. Либо ты привязываешь шнур к арбалетной стреле, либо цепляешь его к игрушке, способной летать. В обоих случаях тот, кто ловит шнур, рискует. Легкий порыв ветра может превратить немудреную операцию в довольно опасный трюк. Что получить стрелу в живот, что схлопотать вертолетным винтом по черепу, удовольствие ниже среднего. Если «ловяще-тянущий» уже разок побывал в травмапункте, он перед заброской «воздушки» бежит по друзьям, выпрашивая телогрейку и мотоциклетный шлем.

Рассудительный Принц был категорически против стрельбы в жилой зоне. Это вам не по заборам бегать в свое удовольствие, мы сейчас как бы на работе – и если запустим кому болт в окно, пострадает репутация фирмы. А вот одолжить у младшего брата вертолет ни один старшекласник никогда не против. Ведь не баловства ради берешь, строго для дела.

Что вертолеты тоже могут влетать в окна, и это опять-таки скажется на репутации фирмы, Принц на всякий случай забыл – ровно до того момента, когда бросили жребий, кому вести игрушку. Выпало Лехе, и тут уж Принц его заинструментировал до обалдения.

Хозяина вертолета, белобрысого мальчишку лет десяти, техника безопасности предписывала на крышу не пускать, но чего не сделаешь для родного человека. Принц ограничился тем, что загнал брата за надстройку слухового окна, откуда тот все равно выглядывал.

Ветра не было, и Леха посадил вертолет четко в указанном месте. Подбежал Принц, наступил на кабель, дал отмашку: глуши мотор.

– Выключено, – доложил Леха.

Винт прокрутился вхолостую и замер. Принц отцепил кабель от вертолета.

– Ну вот, а ты боялся, – сказал он подбежавшему мальчишке. – Тащи свою драгоценность домой и скажи маме, обедать не приду, дел по горло. Пульт у Лешки забирай. Или давай-ка лучше я его сам тебе вечером принесу. Ага?

Мальчик кивнул, схватил вертолет в охапку и исчез в слуховом окне.

– А если гопота пристанет, – крикнул Принц ему вдогонку, – скажи им, кто твой брат! Скажи, у твоего брата дедушка – людоед!

* * *

– Хочу такую игрушку, – сообщил Леха, отдавая Принцу пульт от вертолета. – Не знаю, зачем, но хочу.

– А у тебя не было?

– Дед незадолго до смерти подарил мне вертолет. Только он не летает. Так и стоит на полке...

– Вертолеты должны летать, – понимающе заявил Принц. – Они без этого скучают.

– Мы с моим вертолетом похожи, – сказал Леха горько. – Он вроде как настоящий. А я вроде как здоров.

Принц закатил глаза.

– О-о, начинается... Хочешь, про Африку расскажу?

– Нет!!!

Принц запихнул пульт в рюкзак.

– Уфф... Ну, ладушки. Сделали.

– Понервничал?

– Нет, ты его вел как по ниточке. Спасибо, Лёх, все четко. Просто сам идиотизм ситуации... Каменный век прямо. Интернет по кабелю. Хуже, чем в Африке, ей-богу.

– Да чего ты ноешь?! – возмутился на полном серьезе Леха. – Это твоя работа, за нее деньги платят. Ты не школоты какая-нибудь, а мужчина. Не ждешь подачек от мамы с папой. Как некоторые...

– Гы! – отозвался Принц, привычно самую малость надуваясь. – У меня выбора не было. У моего папаши зимой снега не допросишься.

– У него снега нет! – парировал Леха.

– Да ни хрена у него там нет, все пропили, алкоголики, одно слово – Африка.

– Прямо тебя заклинило на этой Африке.

– Да, – легко согласился Принц. – Свихнуться можно. Так мне дало по мозгам... Я чего угодно ждал, но не такого. Приехал, а там жарко. Не, ты не понял – там жарко!!!

Леха некоторое время молчал, осмысливая информацию, потом буркнул:

– Зато у тебя отец король.

– Ага. И с утра до ночи в его честь бьют в тамтамы. Знаешь тамтам? Я тоже думал, что это барабан. Нету барабанов! Сто лет назад променяли на бухло. Теперь это бочка из-под бензина, и по ней – монтировкой! Хрясь! Хрясь! Как начнут в пять утра... Нет, отец хороший мужик. Но он-то нерусский, он может это терпеть. А я не в состоянии.

* * *

Быстрым шагом – Принц тоже не умел ходить медленно, – они выбрались из жилого квартала. Впереди медленно разворачивался пейзаж центра: вот краешком торчит больница, вот площадь с кинотеатром, вот угол городского сада... А вон кирпичные торговые ряды: монументальная постройка, двух царей помнит, большевиков пережила, на фашистов чихать хотела, даже в эпоху развитого социализма выстояла, еще партию и правительство увидит в гробу. А брусчатке, что перед рядами лежит, небось и атомная бомба до фени, ее только боевыми нанороботами долбать.

Леха притормозил, Принц вовсе остановился – и оба принялись внимательно осматриваться.

Город стоял на холмах и был сильно изрезан – мечта трейсера. Крути головой почаще, такое увидишь, чего вчера не замечал.

– Туда гляди, – подсказал направление Принц. – А ведь хорошая трасса. Как-то я раньше ее...

– И я... Куда смотрел... А то давай без пристрелки? Так, не спеша. Размяться.

– Финиш на берегу канала.

– Принято. Заодно и умоемся.

Принц сорвался с места первым, на бегу застегивая поясную лямку рюкзака. Впереди была масса соблазнительных препятствий, включая два решетчатых забора. И совсем не было стен, по которым Леха мог его обогнать в узких местах.

В траву на берегу канала они рухнули одновременно. И едва успели перевести дух, как на запястье у Лехи звякнул мобильный.

– Чё-то вяло как-то, – сказал отец. – Совсем за лето разжирили.

Принц беззвучно рассмеялся и похлопал себя по животу. Леха изумленно вытаращил глаза.

– Ты откуда знаешь?!

– Так вы под моим кабинетом через забор лезли. Со второго раза одолели. Хочешь, чтоб я вас не заметил? Да вы вопили так, что вся больница к окнам прилипла.

– У тебя же выходной!

– Да-да. А ты сейчас, как мама думает, сидишь с Принцем и вспоминаешь английский. Вижу, каким английским вы занимаетесь. Орали вы точно по-русски. Спасибо хоть не матом... А завтра первое сентября, между прочим.

Повисла напряженная пауза. Отец чего-то ждал. И Леха наконец через силу выдавил:

– Ты маме не скажешь, что я трассу бегаю?

– Раз столько лет не говорю, почему должен сказать сейчас? Хэв э найс дэй, гайз.

Телефон дал отбой. Леха оглянулся на Принца.

– Ду ю спик инглиш?

– Ноу, шит!

* * *

Виктор отложил телефон и сделал погромче звук телевизора.

Директор Нанотеха выглядел прекрасно. Моложавый, подтянутый, уверенный в себе, красавец мужчина. Хорошенькая ведущая рядом с ним казалась милой игрушкой, не более – а вот это был хозяин, один из тех, кто заставляет мир вертеться.

После того памятного разговора на кладбище Виктор его и не видел толком. Так, раскланивались издали, пересекаясь случайно на городских мероприятиях, пару раз коротко пожимали руки, обменивались ничего не значащими фразами... На работу в Нанотех Виктора больше не звали, чему он был только рад: хотел забыть свое прошлое и вроде бы преуспел в этом. Вплоть до того, что в домашних разговорах вообще не упоминалась его бывшая связь с Нанотехом. Ну, служил там папа давным-давно, потом ушел – и все дела. Кем служил – врачом. Зачем терапевт в Нанотехе? Так санчасть. Это же производство, что ни день, кто-нибудь палец отдавит, а бывает и хуже. Вон на папашу твоей одноклассницы, наладчика, электромагнит свалился, вплоть до инвалидности. Мы с доктором Зарецким полчаса его держали на этом свете буквально за шкуру, пока «скорая» не приехала.

И все. И никаких микробов.

Тем более – нанороботов...

Спокойный какой Михалборисыч. А ведь по слухам, не клеится у него что-то с девятой серией. Сколько лет назад он для нее выбил статус нацпроекта? И сам не припомню, и все уже забыли. И давно забыли, что там, вообще-то, именно нацпроект, государственный заказ. В телевизоре один бесконечный Нанотех, один сплошной Михалборисыч. Такое впечатление, будто государство нарочно отошло в тень: кто-то в Москве позволяет Мишке использовать этот шанс для саморекламы. Интересно, кому это выгодно? Политические игры, борьба влиятельных кланов – и тут возникает темная лошадка в лице директора Нанотеха. И скачет напрямик к креслу Президента. Идиот, они ведь тебя сожрут! Мне лично не жалко. Ну, чего сегодня пообещаешь народу?.. А мне это интересно? Нет. Совсем не интересно. Ну разве самую капельку.

– Михаил Борисович, вы сейчас без преувеличения самый популярный человек в стране! – донеслось из телевизора. – И в нашу студию потоком идут вопросы... Угадывайте, о чем?

– Наверное о национальной вакцинации, которую готовит Нанотех, о чем же еще, – не моргнув глазом, отозвался Михаил.

– Не угадали. Буквально каждый второй вопрос – не думаете ли вы выставить свою кандидатуру на следующих выборах Президента.

Михаил сделал удивленные глаза.

Виктор еле удержался, чтобы не заскрипеть зубами. Кого ты хочешь обмануть, красавец? А то ты не в курсе. Вынесла тебя волна «нанопсихоза» на самый верх. Эффективный менеджер, честный парень, говоришь народу понятные и приятные слова, опять-таки, ученый. В чекистах, юристах и экономистах народ давно разочарован – и тут вдруг ты. Готовый Президент.

Забавно будет, если твои покровители чего-то не рассчитали, и тебя не успеют сожрать, и ты-таки изберешься.

Вырастил Дед преемничка всем нам на радость...

– Если честно, мне некогда думать о политике, – сказал Михаил, смущенно опуская глаза и разводя руками. – Я решаю конкретную задачу – подарить России здоровье. Маленькая таблетка – каждому. А в этой таблетке – лучшие друзья человека. Они исследуют весь организм и докладывают медикам о его состоянии. И параллельно они организм немножко чистят. Чистят сосуды, чистят кровь. Это почувствует каждый. Вы станете счастливее. Каждый станет счастливее.

– Но известно, что нанороботы долго не живут, – ввернула журналистка. – И не умеют решать сразу много задач.

Виктор, которого от фразы про «лучших друзей человека» аж перекосило (вспомнил, когда услышал именно эти слова от Деда), насторожился. Ну-ка, послушаем, как ты сейчас выкрутишься...

– Да, пока что они недолговечны, – легко согласился Михаил. – И не так умны, как хотелось бы. Но еще через полгода вы получите новую таблетку, более совершенную. Она сделает вас еще лучше. А на следующем этапе...

– То есть, вы сажаете всю страну на таблетки?

А ты не дура, девочка, подумал Виктор. Если только этот текст не прописан заранее пресс-службой Нанотеха. Забрасывается крючок. «Вы сажаете всю страну на таблетки» – и что в ответ?..

– Они будут лечить рак, – четко проговорил Михаил.

Заметно было, как ведущая опешила. Или прекрасная игра, или она действительно не ожидала этого.

– Вот как...

Михаил улыбался. Молча.

– Это сенсация, – произнесла ведущая сдавленно.

Нет, не ожидала. Вероятно, хотела подловить директора Нанотеха, а тот в ответ достал из рукава давно заготовленного туза.

– Кто-то обещает это в далеком будущем, а я – гарантирую, – сказал Михаил спокойно, без лишнего нажима, но очень уверенно. – Еще пара лет, и рак исчезнет, как понятие. И еще множество болезней исчезнет. Через два года у нас будет здоровая и счастливая нация. И все станет по-другому. Все изменится.

– В каком смысле – все?

– Какие люди – такая и страна. У нас будет красивая, чистая, сильная богатая Россия. Такая же, как мы сами.

– И как раз через два года выборы...

– Опять вы о политике... Я уже сказал, мне сейчас просто некогда об этом думать.

Виктор нащупал на столе пульт и выключил телевизор.

– Ох, Миша, Миша... – пробормотал он. – Что же ты задумал, гад такой...

Наш дорогой Михалборисыч никогда публично не врет. Ни единым словом. Он действительно метит в Президенты – полегоньку, не спеша, – и не намерен обманывать избирателя. Если обещал счастья для всех, значит, на это и нацелился. Что же ты задумал, гад такой?

Что такого особенного может сделать «девятка», этот похожий на головастика легкий бот-диагност? Девятая серия выросла из «трешки», которую довели до испытаний еще при Деде. Потом Михаил отвез ее на показ в Москву, после чего «трешку» внезапно начали переделывать, опять переделывать, восемь лет переделывают... Хотя отличный был микроб. Только он действительно легкий, и задачи у него были узкие. Допустим, вы его модифицировали, научили разбирать холестеринные бляшки – это вы молодцы. Предположим, через пару лет «девятка» и правда насобачится атаковать опухоли. Но ты ведь что-то большее имел в виду, Миша. Ты не просто так проговорился.

А вот интересно, это правда, что в Нанотехе нет представителя заказчика? Вы делаете федеральную программу, нацпроект. Значит, у вас там должен быть такой государственный дядька, очень квалифицированный спец по микробам, и буквально стоять у разработчика над душой, вникать во все детали. Где он? Каким образом ты, Миша, от него отбоярился? Это как-то связано с тем, что тебе позволили заслонить в телевизоре своей гладкой физиономией добрую харю нашего вездесущего государства?

Что вообще происходит, а?

Ты всегда был не ученым и даже не администратором, а самым что ни на есть политиком, Миша. Крутился в верхах, пропадал в столицах, наработывал политический вес за счет Деда, за счет Нанотеха. И амбиции у тебя ого-го. И страха Божьего ни грамма.

Правильно старик не дал тебе в руки пятую серию. Ты бы наплевал на все запреты. Ты бы прямо щас сделал нас счастливыми на фиг.

Глава 11

Школьный двор был таким пестрым, что рябило в глазах. Девчонки вырядились ярко, кое-кто просто вычурно, и не меньше, чем одежда, добавляли пестроты крашенные «перья» в волосах. В нынешнем сезоне красились скупое, по одной-две пряди, но и того хватало. Разноцветные сумки и рюкзаки, полосы модных телефонов на запястьях, переливающиеся всеми цветами радуги... Девочки одеваются как угодно, но обязательно – солнечно, позитивно. Живи с огоньком, весели народ собой.

Мальчики выглядели поскромней. Задача парня – оттенять свою подругу, быть фоном, на котором она ярче заиграет. Если позволяют средства, парень одевается в первую очередь «брендово», и чем круче бренд, тем спокойнее дизайн одежды. Это не скромность, это уверенность.

Класс забавлялся, выстраиваясь по росту – все было не так, как в прошлом году, многие за лето заметно прибавили. В ход пошли лазерные рулетки телефонов, кто-то уже орал, мол, у тебя глючит, я на целых два миллиметра выше, раздавался звонкий хохот. Принц рассказывал ужасы про Африку. Леха, которого от Африки уже тошнило едва не сильнее, чем Принца, влез с телефона в школьную сетку и глядел, чего там новенького, и как это новенькое сломать, чтобы получилось смешно, и не очень наказали.

В первых рядах колыхалась волна цветочных букетов: где-то под цветами едва угадывались взмыленные первоклашки.

За углом школы Даша остановилась и сняла с головы косынку. Аккуратно сложила ее, спрятала в сумку. Вышла из-за угла и оказалась перед воротами одновременно с Марией.

Взрослый сказал бы: ага, эти подружки – две первых красавицы в классе, только светленькую пока еще никто так не воспринимает. Совершенно верно. Обе высокие и длинноногие, «Машка с Дашкой» были совсем разные внешне и внутренне. Брюнетки созревают раньше и, как правило, к шестнадцати выглядят гораздо интересней блондинок. Вдобавок, Дашина подчеркнутая скромность, доходящая временами до самоуничтожения, ее тоже не красила.

Появление Марии у ворот было обставлено как визит принцессы небольшого, но уверенного в себе государства: по случаю первого сентября девушку привез в школу папа. Вместо обычного брутального внедорожника подкатили аж два, а между ними седан, к которому слово «роскошный» уже неприменимо, впору сказать «фешенебельный». Из его задней двери царственно шагнула богато одетая и столь же богато накрашенная особа. Отчаянно зеленые глаза, чуть вздернутый носик, задорные скулы – едва уловимый налет юга на лице, – длинные вьющиеся темные волосы.

Если не приглядываться – ну прелесть, какая дурочка. Это просто надо знать, что Мария отличница, существо целеустремленное, жесткое, цинично-неприступное и способное на шокирующую откровенность. Ляпнет – и смотрит, как ты реагируешь.

На вопрос, в кого она уродилась такая эффектная и темпераментная, ответ всегда был один: «А у меня бабушка согрешила с водолазом!.. То есть, с пуэртиориканцем. Поэтому скоро у меня вырастут усы, и я научусь разбираться в бритвах!»

Даше она обрадовалась неподдельно, хотя было заметно, что это в какой-то степени радость возвращения любимой игрушки. Расцеловала, цепко схватила за руку. Так они вместе и вступили на школьный двор, и все смотрели только на них. Разве что Принц вдруг оглянулся в сторону выпускного класса. Прикидывал, кому придется в этом учебном году надавать по шее. Принц стычки не боялся, хотя драться и не любил – чуть кому присунешь, сразу крик: ой, там негры наших бьют! Разбирайся потом, кто тут самый русский...

– Н-ну? – сказала Мария совсем рядом.

Принц обернулся к ней, и все внутри перевернулось. Она была слишком близко, и теперь он ее почти ненавидел. Всегда так случалось когда она подойдет вплотную.

– О-о, княжна Мэри, – отозвался Принц, окидывая девушку плотоядным взглядом. – Все хорошеешь. Как продвигается интимная жизнь с тем жи-ирненьким карасиком, которого ты подцепила весной?

Класс замер и притих.

– Перегрелся на солнышке, Коваленко? – непонятно, каким образом, Мария умудрилась поглядеть на Принца сверху вниз, хотя ей для этого не хватало росту даже с каблуками. – У вас у всех еще интим не вырос играть со мной в интимную жизнь!

Она шагнула мимо, но вдруг задержалась, и через плечо бросила Принцу такое, от чего класс окончательно заглох и остоленел.

– Если тебе очень надо это знать, Коваленко... – заявила Мария с чувством превосходства истинно продвинутой девушки. – Я невинна как в день рождения. Поскольку решила, что *подарю это* тому, кто устроит мне летом романтическую поездку... Хм-м, в Монте-Карло. Не шучу. Даю слово.

И величественно удалилась, увлекая за собой Дашу. Вклинилась в группу девчонок, что-то негромко сказала, там сразу началось едкое хихиканье.

– Та-ак, смотрим, – донеслось из задних рядов. – Ищем... Монте-Карло это у нас что? В смысле, где?

– Княжество Монако, – подсказал Леха. Он тоже копался в телефоне.

Да тут наверное все, кроме Принца, полезли в интернет. Ребят ошарашило не столько заявление Марии, сколько цена вопроса. Здесь собрались, по большей части, дети из обеспеченных семей – лучшая школа города все-таки, – но вряд ли кому из них родители подбросят денег за свозить подругу в Старую Европу.

– А чего не Лас-Вегас? – бурчали в задних рядах.

– Там вокруг пустыня, смотреть не на что. И лететь долго.

– Зато там можно жениться за пять минут. И утром развестись.

– Пардоннэ муа, жениться уговора не было! Я к такому повороту событий не готов морально!

– Мораль, значит, не выросла жить моральной жизнью... Один интим по колено толщиной с полено... А я романтик, я жениться хочу. Чтобы свадьба, понял?

– Зачем свадьба? Ужраться халявным шампанским и упасть мордой в оливье? Интересная у тебя романтика.

– Ты просто двоечник. Мордой в оливье, утюгом по морде, это все именно романтизм. Я его пересдавал два раза и глубоко изучил. С тех пор я романтик и хочу жениться. На свадьбу дорогие подарки делают. Хочу машину. И квартиру. Возьму и деньгами...

– Не сойдут за Монте-Карло Карловы Вары? Звучит похоже, а пиво там сто процентов лучше...

– Тихо! Тур в Монако на двоих с перелетом... Самые дешевые от трех тысяч долларов. Это если совсем не выпендриваться. Так что пятерочка, я думаю, минимум. Самый минимум, джентльмены.

– Кажется, она заблудилась, – обронил Принц. – Рублевское шоссе километров на триста к юго-западу отсюда.

Леха нацепил телефон на руку и задумался. Подобно всем без исключения его одноклассникам мужского пола, он был тайно, глупо и безнадежно влюблен в эту неуправляемую и недосягаемую девицу. Причем его-то она как раз выделяла из общей массы, им случалось дружески болтать, обсуждать школьные дела. В прошлом году они вообще сидели за соседними партами, вместе делали лабораторные, но все равно Мария держала дистанцию. У нее были свои взгляды на жизнь, и она давала понять, что Леха по ее мнению – такой же симпатичный балбес, как

и многие другие. Ничем серьезным не озабоченный, в голове один трах да тарарах, по глазам видно. Ну, у Лехи еще нанороботы, прости, микроботы, спасибо, не тараканы. И беготня по стенам: о-о, как это увлекательно! А главное, практично. Редкая профессия – промышленный стенолаз! Ну извини, Васильев, чего дуешься, не хотела тебя обидеть, честно, ха-ха-ха...

Мария всегда активничала и рвалась в первые ряды, была представителем класса в школьном совете, а теперь поедом ела отца, чтобы тот позволил ей устроиться на работу. «Карьеру надо начинать в пятнадцать, – говорила она, – иначе будет поздно. И желательно с самых низов, хоть дворником, это потом зачтется». Леха, подумав, сказал, что в России дворником хорошо начинать разве что карьеру политика. «А бывает другая?» – усмехнулась Мария. «Допустим, научная». – «Правда? Ну погляди на Михалборисыча, кем он будет через несколько лет? Президентом страны. Вот то-то. А думаешь, твой дедушка не был политиком, хоть и на местном уровне? Любой руководитель – политик». Леха пожал плечами. Его это не касалось.

Хотя и он надеялся карьеру начать с самых низов – в Нанотехе. Поближе к микробам.

Мария, кстати, тоже именно в Нанотех целилась. Поближе к Михалборисычу.

Только Лехе придется для этого дожидаться конкурса на замещение вакансий, и в конкурсе победить. А Марии наверное достаточно надавить на папу – если попросит, не откажут, найдут полставки в вечернюю смену. Ну и Марию потом мама не загрызет.

Полставки лаборанта-стажера, допустим, умножить на девять месяцев... Тьфу, какое там Монте-Карло. А это принципиально? Ну, он был бы рад сделать Марии такой подарок – без обязательств. От всей души. Тем более, она слово держит. Она чудесная девчонка, если не обращать внимания на ее гонор... Но важнее другое.

Мне просто надо вырваться из-под опеки...

Всю церемонию первого звонка Леха простоял как в воду опущенный, рядом переминался с ноги на ногу такой же хмурый Принц.

На традиционном дурацком «Уроке знаний» (смысл которого вовсе не дурацкий – чтобы дети «присиделись» к своим партам и саму атмосферу урока вспомнили) Принц привычно удалился на галерку, а они так же привычно уселись на первый ряд – Даша, Мария, Леха.

И как обычно, Леха не заметил, что весь урок за ним искоса подглядывает Даша.

Глава 12

Для заведующего сектором Рыбникова первое сентября началось с вызова на ковер к начальству и деликатного, но убедительного разноса. Собственно, это должно было называться иначе – таких, как Рыбников, не зовут на ковер и не разносят. А любезно приглашают и дружески поругивают. Талантливый и не особо щепетильный Рыбников был в Нанотехе самым близким сотрудником Михалборисыча, фактически его доверенным помощником. Ни один из заместителей директора не знал досконально всех его планов, а Рыбников – да. Он был и руками Михаила, и той частью его мозга, что отвечала за разработку ботов для вакцинации. Рыбников – это был сегодня Нанотех, остальное вторично, несущественно.

Только разнесли заведующего сектором все равно. Да, ласково, но с такой неподдельной грустью во взгляде, что понятно было: это Михалборисыч грустит по его, Рыбникова, загубленной судьбе.

Девятая серия не тянула всех задач, и хоть ты тресни. Легкие боты-диагносты, и без того нагруженные дополнительными функциями, быстро теряли энергию и либо вставали раньше времени, либо попросту разваливались.

Та журналистка с первого канала угодила с вопросом в самую точку: боты недолговечны. Было бы их побольше... А так они просто не успеют «обжить» человека достаточно плотно, чтобы сделать все как надо. Нет, с чисто медицинской функцией – мониторить здоровье, искать и бить дефектные клетки, – они справятся. А вот главную задачу не выполнят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.